



Влюбиться в няню

Books for young  Перевод книг

ПЕННИ ВИЛДЕР

Рейтинг: 18+

Жанр: Короткий любовный роман, эротика

Переводчик: Марина Мкртчян

Редактор: Мария Барсукова (1–4 глава), Svetlana M. (5–7 глава)

Вычитка: Яна Газиева

Обложка/оформление файла: Svetlana M.

Глава 1

Реми

Мусор пахнет отвратительно.

— О господи, что — то туда заползло и умерло? — говорит моя подруга Клара рядом со мной, когда я выношу его на тротуар. Она осталась на ночь фильма ужасов, которую мы проводим каждый месяц по традиции с двенадцати лет.

Я задерживаю дыхание, лицо сильно сжалось.

— Да, независимо от того, что моя мама пыталась откормить нас прошлой ночью.

— Что это было? — говорит Клара.

— Тофу.

— Это какой — то вид птицы, потому что, если это так, то за ней следует охотиться до тех пор, пока она не исчезнет.

Я смеюсь. Бедная Клара. Её семья ест строго только мясо и картошку. Она даже никогда не видела брюссельскую капусту, пока мы не встретились. Клара думала, что это был маленький симпатичный ребёнок капусты, пока она его не попробовала. Теперь она их называет дьявольскими бородавками.

— Я думаю, это сделано из соевых бобов.

Солнце только что поднялось. Когда день прогревается, из цемента выгорает туман. Небо со слоями ярко — оранжевого и жёлтого цветов выглядит, как кукурузная конфета. Прекрасный осенний день.

Разбрызгиватели извиваются с непонятым звуком, который меня сначала пугает, прежде чем я понимаю, что это за звук. Мы должны добежать по газону с босыми ногами, добраться до газеты, прежде чем она испортится. Независимо от того, сколько раз моя мама жаловалась на парня, который доставляет нашу газету, он всегда бросает её на газон вместо крыльца.

Я дрожу от капель воды, когда слышу глубокий недовольный гул пикапа. Смотрю, как он въезжает к дому моего соседа Сэма. Я знаю, что сосед водит Toyota Prius, поэтому этот пикап вряд ли его, если он не купил новую машину. С внешностью офисного компьютерщика он действительно не похож на парня с грузовиком. В этом я не сомневалась.

Двигатель выключается и нужна минутка для того, чтобы водитель вышел из автомобиля. Затем Диакон выходит со стороны водителя, и моё сердце взрывается в груди.

— Боже мой, — говорю я, стоя на этом месте, остолбенев.

Клара поворачивается к дому моего соседа.

— Святое дерьмо, это...

— Да, это так. Не смотри! Я хватаю её за плечи и поворачиваю её тело ко мне лицом.

— Притворись, что мы говорим, — говорю я.

— Мы говорим.

— Просто встань так, чтобы я могла смотреть на него не заметно, — говорю я, наблюдая за ним через плечо.

Она ворчит.

— Хорошо, но поторопись. Здесь очень холодно.

Диакон — это брат Сэма. Он был хозяином дома, а затем продал его Сэму, после того, как женился. Я помню, как сидела в своём старом домике на дереве, наблюдая, как он погружал коробки в фургон. Так хотелось положить каждую коробку обратно в дом, чтобы он не смог уехать. Это было пару лет назад. И я не видела его с тех пор. До настоящего времени.

Он по-прежнему выглядит потрясающе, впрочем, как и тогда. Но все-таки немного более зрелым, и, может быть, стали больше мускулы. Безусловно, его уверенность в себе никуда не пропала. Это трудно не заметить даже на таком расстоянии, тем более, когда он идёт к задней двери грузовика.

То, что нелегко увидеть, дак это то, что находится на заднем сиденье пикапа. Я прищурилась, чтобы лучше видеть.

— Это.... Я начинаю говорить, но отвлекаюсь и не заканчиваю мысль.

— Это что? — говорит Клара, начиная поворачиваться, но я остановила её.

— Не смотри, — говорю я, — он увидит, что мы наблюдаем за ним.

— Тогда скажи мне, что происходит!

Я продолжаю смотреть, затаив дыхание. У него есть ребёнок? Моё сердце так сильно стучит, что я чувствую это во всем теле. Я встаю на цыпочки, глядя сквозь туман разбрызгивателя. Когда я делаю шаг ближе, поток воды ударяет меня по замершему лицу. Я взвизгиваю, а Клара кричит, когда мы пытаемся уйти с пути. Диакон смотрит на нас, но я притворяюсь, что не вижу.

Когда мы убегаем от потоков опрыскивателя, я снова смотрю на него. Он вытаскивал ребёнка из автокресла.

— Господи, у него есть ребёнок, — говорю я.

Клара смотрит раздражённо.

— Могу я сейчас посмотреть, пожалуйста.

— Нет ещё.

Диакону было двадцать пять лет, когда я впервые начала замечать его как нечто большее, чем просто моего соседа, впрочем, как и все остальные. Мне было тогда тринадцать. Я была безумно влюблена в него. Сначала была его улыбка, привлекающая меня к нему. Некоторые соседские дети вместе со мной катались на скейтбордах перед моим домом. Один из мальчиков, с которым я гуляла в то время — моё первое увлечение, построил рамку для нас, чтобы мы катались на коньках. И мы тащили её на улицу в течение лета, потому что большинство людей были на работе, и нам не стоило беспокоиться о пробках. Я была слишком смущена, чтобы носить шлем, потому что хотела выглядеть красиво, и чтобы не выглядеть глупо, сняла его. Ну, и как debil, я сразу упала. И не в какой-то большой эпический момент, делая трюк. Я каталась на плоской поверхности, когда под моё колесо попал камень, и упала в первую очередь лицом в цемент.

Диакон был рядом и видел всё это. Он бросился и помог мне подняться с земли. Сначала он выглядел испуганным, его лицо было обеспокоенным, пока он не понял, что я в порядке. На самом деле ничего страшного не произошло. Просто немного поцарапалась, вот только моя гордость... Я была трудным ребёнком и переживала гораздо худшие падения. Когда он увидел, что я в порядке, его лицо расплылось в самую заразительную улыбку, которую я когда-либо видела.

— Ты напугала меня, — сказал он.

Всё что я могла делать, так это только смотреть на эту великолепную белоснежную улыбку. Мои другие падения были далёкими воспоминаниями. Диакон проглотил все мои мысли после этого.

Каждый день я сидела в своём дворике и наблюдала за ним. В основном из дома на дереве, потому что мне нравилась высота птичьего полёта. Как правило, он всегда работал или мыл машину во дворе без рубашки, и моему взору открывалось прекрасное тело соседа. У него была старая машина, и он был очень влюблён в неё. Вымывал её несколько раз в неделю.

Я находила разные места в своём доме, чтобы наблюдать за ним. Летом, когда было слишком скучно или слишком жарко, чтобы быть на улице, я сидела в своём домике с открытыми окнами, ожидая услышать скрип петель, когда откроется его дверь. Тогда я найду любую причину, чтобы выйти на улицу. Я даже вызывалась помочь маме с садом, несмотря на то, что все земляные черви ползали, потому что это было рядом с кустарником, где он припарковывал машину.

Я надевала самые скучные шорты, которые смогла найти, и рубашку с глубоким вырезом, хотя в то время у меня не было никакой груди. Пока поливала сад, я убеждалась, что моя рубашка мокрая, поэтому мой бюстгальтер будет просвечивать.

Но я была просто ребёнком, поэтому Диакон никогда не замечал меня, несмотря на все отчаянные попытки.

Чтобы попытаться привлечь его внимание, я дошла даже до того, что выпрашивала сладости в его доме, одетая, как сексуальная медсестра, надеясь, что он наконец заметит меня. У меня колени были в шишках и в полосочку. Мой макияж был похож на маску на лице. Я думала, что была взрослой, но вспоминая, вероятнее всего выглядела, как Невеста Цыплёнка.

Некоторое время он стоял в дверном проёме Сэма с миской конфет. Какой-то сопляк прошёл мимо меня и указал на то, что медсёстры носили униформы, а мой костюм не соответствовал этим параметрам. Диакон засмеялся, не глядя на меня, и бросил шоколадку Snickers в моё ведро с блуждающим огоньком из тыквы. Это было пять лет назад, но у меня всё ещё есть обёртка от того шоколадного батончика. Я храню её, как сувенир.

Вскоре после этого события он встретил кого-то. Я не помню её имя, но никогда не забуду, как ревновала, когда увидела её в первый раз. Это были выходные дни. Я отказалась от приглашения своих друзей пойти посмотреть фильм ради того, чтобы увидеть Диакона. Он опоздал, что было для него не нормальным. Было почти утро, когда его автомобиль, наконец-то подъехал на проезжую часть дороги. Он открыл дверь с пассажирской стороны, а мой живот сжался и мне стало больно. Женщина, которая вышла, была великолепна и соблазнительна. Две вещи, которые определённо не вернуть назад. Они зашли в его дом, а я плакала той ночью вместо того, чтобы спать.

Вскоре после этого они поженились и переехали. Остальное это уже совсем другая история.

Я чувствую, что та жгучая боль, которую я испытывала по ночам, снова застала меня. Я смотрю, как он вытаскивает своего ребёнка из автокресла. Хочу поздороваться, но он, скорее всего не вспомнит меня. Будет очень неловко, если я увижу замешательство на его лице, и мне придётся объяснять кто я. Я немного изменилась с последней нашей встречи. Стала на несколько дюймов выше, отрастила свои светлые волосы, которые когда-то были под

стрижку боб, теперь они доходят до середины моей спины. Очки, которые я когда-то носила, были заменены на контактные линзы. Мои бёдра и грудь также изменились, сейчас вместо первого размера, ношу третий. Моей плоской груди, которую я когда-то ненавидела, больше нет.

Некоторое время я беспокоилась. Боялась, что моё тело никогда не будет красивым. К счастью, когда мне исполнилось семнадцать, меня как будто погрузили в Растишку. Теперь в восемнадцать я, наконец, выгляжу как женщина, которой всегда мечтала быть. Той женщиной, которая заставляет мужчин замереть на своём пути, только, чтобы наблюдать за походкой.

Может быть, Диакон сейчас меня заметит.

Но я быстро выбросила эту мысль из головы. Он — женатый мужчина, отец, а я не смогу стать соперницей его жене.

Вздыхнув, я наблюдаю, как он и его ребёнок исчезают в доме его брата.

— Теперь можешь смотреть, — говорю я Кларе.

Взволнованная она поворачивается, наткнувшись на пустой двор без Диакона и ребёнка.

— Ты — такая дурочка, — говорит она.

Я улыбаюсь, прихватив с собой газету для своей мамы.

Я бросаю мокрую газету на кухонный стол, где моя мама пьёт свой утренний кофе. Она готовила завтрак, поэтому в комнате пахнет корицей.

— Извини. Я пыталась спасти её, прежде чем она вымокла, — говорю я.

Она хмурится и берёт её двумя пальцами. Серые капли падают на столовые приборы.

— Может тебе следует подписаться на новостной сайт? — предлагаю я.

Клара сидит за столом и наливает себе чашку кофе.

— Я думаю, что стоит, — моя мама бросает её в мусор. — Если вы обе хотите что-то ещё, то есть блины на столе.

Клара вопросительно смотрит на меня. Если они наподобие вечернего прошлого ужина, то она уйдёт. Но к счастью это просто блины из цельной пшеницы. Полезные, но съедобные.

Я положила две штучки на наши тарелки и смазала их сиропом. Затем я хватаю стакан апельсинового сока и чашку кофе. Сажусь рядом с Кларой, напротив моей мамы. Но вместо того, чтобы есть, мой разум начинает блуждать, и я замечаю, что смотрю в окно. Все те чувства, которые я испытывала к Диакону, возвращаются. Как будто они лежали в спячке, ожидая его прибытия.

Когда Диакон всё ещё владел домом, я возвращалась домой задолго до своей мамы. Лёжа в постели, я представляла, как он стучит в парадную дверь. Когда я открыла бы, он был без рубашки с букетом длинных красных роз, среди гипсофил. Он сказал бы мне, как я красива, и как он не может жить без меня ни секунды. Наша двенадцатилетняя разница в возрасте мало что значила для него в моих фантазиях. Я была всем тем, что он мог когда-либо хотеть или желать. В моих мечтах он был безнадёжным романтиком.

Я даже говорила всем в школе, что встречаюсь с взрослым мужчиной. Потому что в моём сердце он был моим. И хотя я знала, что это неправда и скорее всего мы вместе никогда не будем, я чувствовала, что если я скажу это вслух, загадав желание звезде, то это обязательно сбудется. Я никогда не говорила его имя или то, что он мой сосед, потому что моя ложь может раскрыться или у него возникнут проблемы. Не то, чтобы кто-то действительно верил мне. Большинство людей думали, что я лгу. И на всякий случай я

говорила правду, что взрослый мужчина, о котором я всегда говорила, был первокурсником в средней школе.

Иногда ночью я смотрела в окно его спальни и наблюдала, как он переодевается. Я не очень много думала об этом тогда, но сейчас я понимаю, что была навязчивым психопатом. Его окно было не большим, в нём просматривалось его тело только до пояса. Но у меня было удивительно яркое воображение.

— Реми?

Я поражаюсь внезапному звуку моего имени. — Что?

— Ты слышала меня? — говорит моя мама. — Ты замечталась.

Клара ухмыляется и ударяет меня по плечу. Она точно знает, как меня отвлечь. Она была единственной, кому я признавалась обо всех фантазиях насчёт Диакона.

— Ой, прости. Я замечталась. Что ты сказала?

Она дует в чашку с кофе и говорит — Я спрашивала, помнишь ли ты Диакона, который жил по соседству?

Я пытаюсь уничтожить любые признаки опознания при звуке его имени по моему лицу.

— Кто такой Диакон? — спрашивает Клара с таким же озорным наклоном губ.

Я уставилась на неё.

— Смутно, — отвечаю я маме.

— Разве не ты раньше была влюблена без памяти в него? — моя мама говорит с дразнящим голосом.

Я подняла свой палец перед собой, чтобы помешать Кларе, вставить какие-либо комментарии.

Откуда моя мама знает о влюблённости? Неужели это было очевидно? Или может быть это, потому что все в округе были влюблены в него, и она просто предположила, что я была одной из них.

— Наверное. Мне было тринадцать. Я была влюблена в каждого, — говорю я, надеясь, что кажусь равнодушной.

— Я разговаривала с ним вчера, когда он впервые приехал в город.

Он был здесь целый день, а я только сейчас увидела его?

— О чём вы говорили? — спрашиваю я, пытаюсь выведать у неё больше информации.

Моя мама кладёт локти на стол, смотря из окна на дом, которым теперь владеет его брат.

— Бедняжка развёлся недавно. Жена бросила его и ребёнка, чтобы пойти на вечеринку.

Мои глаза широко раскрыты. К счастью, она этого не замечает.

Это так ужасно. На самом деле я не могу представить, чтобы кто-то смог бросить Диакона ради вечеринки или еще чего-нибудь. И как можно оставить своего ребёнка? Насколько я могу судить, Диакону и его ребёнку будет лучше обойтись без неё. Хотя мне жаль, что мужчине пришлось пройти через всё это, но не могу сказать, что слишком расстроена из-за того, что он сейчас один. Может быть, у меня действительно появится шанс быть с ним...

Я снова отогнала эту мысль. Лучше не обнадеживать себя.

— У него есть работа здесь в городе, — продолжает мама. — Ему нужна няня, которой он может доверять. Я предложила тебя на эту работу. Надеюсь, ты согласишься.

Клара смотрит на меня с игривым огоньком в глазах. Не трудно догадаться, что у неё на уме.

Моё сердце прыгает в горле. Я няня для Диакона? Мужчина, причастный ко всем моим сексуальным подростковым мечтам, единственный мужчина, которого я представляла себе, отдавая свою девственность. Я не думаю, что существует такое число, достаточно высокое, чтобы посчитать сколько раз я представляла себя в его доме, на его кровати, готовая для него. Хотелось поцеловать его, почувствовать его внутри себя. Чем пахнут его простыни? Какова его кожа на ощупь?

Могла ли я удержаться от чувств, которые у меня были с момента полового созревания?

Я забрасываю себя столькими вопросами, что мой разум начинает вращаться. Отодвигаю свою тарелку, у меня пропал аппетит.

— Всё в порядке. Мне не помешают лишние деньги.

Клара наклоняется и шепчет мне в ухо так, что моя мама не слышит её.

— Хорошая ложь.

В эту ночь я почти не спала. Я хотела, чтобы Клара осталась и составила мне компанию ещё на одну ночь, но она должна идти на работу утром. У меня внутри всё сжимается. Я проснулась в четыре утра бодрой и взволнованной. Принимаю душ, делаю себе макияж, убедившись, что всё идеально, думаю обо всём том, что могу рассказать ему. Когда, наконец — то стрелки часов показывают семь, я иду на встречу с Диаконом как будто уже знаю его. Стою на его крыльце перед дверью, всё тело пробивает мелкая дрожь. Несмотря на осень, утро тёплое. Солнце светит ярко, птички чирикают. Мне нравится холодная погода, когда одеваешь свитер. Шарфы, ботинки, шляпы. Но, когда тепло проще одеться сексуально.

Сексуально, но не вульгарно, потому что я всё ещё хочу, чтобы Дьякон дал мне работу няни. Это тонкая грань между нами. Я выбираю свободную майку, бюстгальтер на размер меньше, чтобы сделать декольте больше и шорты. Чем больше кожи, тем лучше, это как раз то, что носит любая девушка моего возраста.

Стучу в дверь. Кровь приливается к ушам, когда я слышу шаги по другую сторону. Когда дверь открывается, я чуть не теряю равновесие, увидев его. Он ещё красивее, чем мне запомнился. Возраст не повлиял на него.

Когда я была младше, он мне напоминал кого-то, но я никак не могла вспомнить имя. Пока в один прекрасный момент Клара мне сказала, что он похож на Йена Сомерхолдера. И ведь это оказалось правдой, я тоже частенько сравнивала их.

— Реми, ничего себе, ты превратилась в красивую девушку, — говорит Дьякон, выглядя искренне удивлённым, увидев меня стоящей у входной двери.

— О, — говорю я, ошеломлённо. — Я думала, ты не узнаешь меня.

— Конечно я узнал тебя. Я всегда восхищался вашим садом.

Я кусаю нижнюю губу. В моей голове совсем иной смысл этого ответа, но я думаю, что он действительно говорит о саде, в котором я всегда возилась, когда он заходил к нам.

— Спасибо. Хммм, я могла бы принести немного овощей чуть позже, если ты хочешь. В саду их полно, и мы не можем съесть их так быстро. Они намного лучше для ребёнка, чем покупные и дешевле, чем органические продукты — бормочу я.

Заткнись, говорю я себе.

Его брови поднимаются.

— С удовольствием. Это так мило, что ты думаешь так о моём ребёнке.

Моё лицо вспыхнуло.

— Я люблю детей.

— Входи, — говорит он и приглашает жестом зайти внутрь.

Дом выглядит не так, как я его представляла. Безусловно, здесь стиль его брата Сэма. В основном достаточно скучноватый. Это безумие думать, что эти двое — родственники. Диакон явно был лучшей внешностью в семье. У Сэма удлиненное, как у лошади лицо с торчащим подбородком. Он носит рубашки одного стиля изо дня в день, даже когда не работает, только в разной цветовой гамме и брюки цвета хаки. Он разделяет волосы пробором и зализывает гелем. Он водит Prius ради потрахушек. Дом отражает именно его стиль. В основном приглушённые цвета.

Несколько игрушек разбросаны то здесь, то там, но по большей части всё аккуратно и прибрано. Беспорядок сводит Сэма с ума. Любит, чтобы всё было на своем месте.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спрашивает Диакон.

— Хочу.

Мы идём на кухню. Я смотрю на его спину. Его рубашка облегает его тело так плотно, что можно увидеть, как двигаются мышцы. Он остался в форме.

Диакон наклоняется, чтобы посмотреть в холодильник. Попка тоже классная.

— Похоже у нас есть только вода и сок. Извини, у меня было мало времени для того, чтобы отправиться за покупками.

— Не беспокойся, — говорю я. — Я буду сок.

Он берёт бутылку из холодильника и наливает сок в стакан, вручая мне.

— Идём, покажу тебе здесь всё, почувствуй себя как дома, а затем познакомлю тебя с Бейли.

Дом двухэтажный. Мы начали с первого, идя по длинному узкому залу.

— Здесь гостевая ванная комната, — говорит он, показывая мне небольшую ванную с раковиной и туалетом.

Если нужно будет что — то постирать, то сразу за ним стоит комната со стиральной машиной. Бейли может быть грязной, так как на данный момент чистой одежды для неё нет. Все вещи находятся у меня, пока я не найду своё жильё. Я не хочу забрасывать дом брата всем этим. Не собираюсь оставаться здесь слишком долго. Он не любит детей.

— Мне очень жаль, что всё так случилось, — высказалась я, не подумав. — Я имею в виду с вашей женой.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. И хоть лицо его по-прежнему выглядит дружелюбно, я жалею, что сказала это.

— Мне не следовало этого говорить. Это очень глупо, — говорю, пытаюсь сгладить ситуацию, высказанную своим проклятым ртом.

— Мне не следовало заводить этот разговор. Я не знаю, чем думала. Просто моя мама рассказала о вашем разговоре с ней вчера, и... — Я замолчала, чтобы не привести разговор к худшему исходу.

— Нет, всё в порядке, — говорит он с нежной улыбкой. — Я рад, что случилось всё именно так. Бейли ещё маленькая, поэтому она не вспомнит свою мать и сможет двигаться дальше. Если бы это случилось в более позднем возрасте, то это могло бы стать катастрофической ситуацией. Я действительно хочу двигаться вперёд. Мой брак был ужасен с первого дня. Я жил в доме, который мне не нравился, с женщиной, которую я не любил. Каждый день ходил на работу, которую ненавидел.

Изменения приводят к счастью.

Я вздохнула с облегчением.

— Отлично. Я рада. Тебе не нужно беспокоиться о Бейли, пока ты работаешь. Я люблю детей и очень рада быть здесь.

Хмурюсь. Я слышу тоску в своём голосе. Он тоже это слышит. Я чувствую отчаяние. Возможно, он предположит, что это только потому что мне нужна работа, а не то, что я хочу его. Он не должен этого знать.

— Я тоже рад, что ты здесь, — говорит он. — Может, встретимся с Бейли сейчас?

— Да, пожалуйста.

Мы поднимаемся наверх. По пути, он резко останавливается и поворачивается ко мне.

— О, и ещё одна вещь...

Я ударяюсь об него, мой стакан в руке брызгает соком не только на пол, но и его рабочую одежду, прежде чем упасть и разбиться.

— Боже мой. Извини, — говорю я, практически в слезах.

Я прикасаюсь к нему, пытаюсь вытереть сок, но только ухудшаю ситуацию. Сколько раз мне придётся извиняться перед ним, прежде, чем он уйдёт из дома?

Он смотрит вниз на рубашку, как мне кажется, он даже не расстроился. Вместо этого он смеётся.

— Это не твоя вина. Я просто брошу её в стирку, прежде чем пятна пропитаются.

Он снимает рубашку прямо напротив меня. Я не могу заставить себя отвести взгляд. Я думаю он замечает это, потому что смотрит на меня иначе. Почти застенчиво. Может он не одевает рубашку и наедине с девушками.

— На твоей груди всё ещё остался сок, — говорю я, борясь с желанием протянуть руку и коснуться гладкой кожи.

Его тело так же прекрасно, как я себе представляла. Больше похож на человека, который, возможно, ходит в спортзал через день или два в неделю. Есть небольшой кусочек волос на его груди, и животе... Я не думала, что меня так возбуждает торс. Я хочу вылизать его от живота до его сексуальных полных губ. Подождите, кого я обманываю? Я хочу вылизать всё. Я хочу попробовать всё в этом мужчине.

— Всё хорошо, — говорит он. — У меня всегда беспорядок. Это обычное дело для родителя.

Я хотела бы прикрыть его в своём собственном беспорядке. Я уже чувствую, какая я влажная, когда он стоит здесь наполовину обнажённым передо мной. Я начинаю говорить, но меня прервал Сэм, который поднимался по лестнице за мной.

— Что здесь происходит? — говорит он.

Я не слышала его, пока он не заговорил. Подлый парень. Я имею в виду, что он выглядит подло и мне это не нравится. Может быть, это потому что он купил дом Диякона и разрушил мои заветные детские фантазии. Я тайно обвиняла его в том, что Диякон ушёл, хотя я знаю, что это не его вина.

— Эй, Сэм, — говорит Диякон, не подав виду на неожиданное вторжение брата, как и я. — Ты знаешь Реми?

— Я знаю, что Реми из соседнего подъезда. Что я хочу знать так это то, почему она здесь и почему ты практически голый перед ней.

Лицо Диякона теряет свой добродушный вид и превращается в жесткую маску неприязни.

— Она здесь, потому что мне нужна няня для Бейли, я был рядом с этой девушкой, когда она была ребенком, и я знаю ее маму. Не собираюсь доверять какому-то незнакомцу

своего ребенка, которого никогда не встречал. Был пролит стакан сока и сейчас я собираюсь кинуть свою рубашку в стиральную машину. Поэтому такой вид.

Будут ещё какие-то обвинения? — говорит он ровным и резким голосом.

Это мило с его стороны, что он не бросил меня в такой ситуации, сказав Сэму, что я была тем человеком, кто пролил сок. Хочу наступить на мокрый ковер и убедиться, что это пятно. Сэм очень похож на парня, который будет переживать из-за ковра.

Сэм смотрит на меня, потом на Диякона и говорит:

— Я могу поговорить с тобой?

Диякон дышит медленно и долго, потом поворачивается ко мне, выражение его лица успокаивается, но я все ещё вижу тень гнева в его глазах.

— Не могла бы ты дать нам минутку, Реми?" — говорит он.

Я прикусила язык, чтобы удержаться от глупого высказывания в сторону Сэма.

— Конечно. Я принесу полотенце, чтобы прибрать этот беспорядок, — говорю я.

— Ты знаешь, где полотенца? — спросил меня Диякон, его голос мягче, добрее, когда он говорит со мной.

Я киваю.

— Я видела несколько в прачечной.

Я также видела часть одежды Сэма в прачечной и грязные ботинки. Давайте настроимся творчески.

Это не выглядит хорошо. Они оба возбуждены. Не знаю, что я сделала неправильно или почему не нравлюсь Сэму. Я так запуталась.

Я мчусь вниз, в то время как они спорят наверху. Когда я нахожусь в прачечной, я понимаю, что есть вентиляционное отверстие над моей головой, и я могу слышать всё, что они говорят, как будто мы стояли в той же самой комнате. Моя задумка испортить его одежду уходит на второй план.

— Что здесь происходит? — говорит Сэм.

Слышно обвинение в его голосе.

— Ничего не происходит. Всё было невинно.

— Что-то я сомневаюсь, — говорит Сэм. — Разве ты не видишь, как эта девочка смотрит на тебя? Она раздевала тебя своими глазами.

Диякон смеется, как будто это самая нелепая вещь, которую он когда-либо слышал.

— Она этого не делала.

Я в шоке открываю рот. Как долго Сэм стоял там, прежде чем он заявил о себе? Мне нужно изменить своё поведение и мимику лица, чтобы не быть настолько прозрачной в своих чувствах. Я удивлена, что Диякон не понял.

— Ты слеп, брат. Эта девушка хочет тебя, — говорит Сэм.

— Не может быть, чтобы настолько молодая и красивая девушка хочет старого отца-одиночку, как я. У неё может быть любой мужчина, которого она хочет.

Мое дыхание останавливается. Как он не может видеть, какой он невероятно горячий? Каждая женщина по соседству хотела его, когда он жил здесь. То, что он — отец-одиночка не имеет никакого значения. Каждый раз, когда проходил книжный клуб мамы в доме ночью по четвергам, это больше было похоже на фан-клуб Диякона. Десять минут были посвящены разговорам о книгах, которые они читали, остальные пятьдесят минут были потрачены, обсуждая его задницу. Я раньше сидела наверху лестницы, закатывая глаза на всех грустных домохозяек. Прошло несколько лет с тех пор, но он не сильно изменился внешне. Стал

намного лучше с возрастом. Он по-прежнему невероятно сексуален, как и тогда.

И он думает, что я красивая. Я боялась, что он всё ещё думал обо мне как о ребенке, если вообще думал.

Братья продолжали спорить. Сэм просит его не нанимать меня. Он думает, что я — проблема и я такая же, как бывшая жена Диакона. Какой он говнюк. Зачем он оскорбляет меня? Он же совсем не знает меня. Я никогда не разговаривала с ним. Мы даже никогда не здоровались друг с другом, так как он вообще смеет говорить обо мне такое? Я бы никогда не оставила Диакона и ребенка, чтобы пойти на вечеринку. Я вообще не была на вечеринках, хотя мне восемнадцать лет и это то, что делают большинство в моём возрасте. Всегда была ответственной в своей компании. Та, кто всегда получает пятерки, кто всегда возвращается домой до комендантского часа, и я всегда держу слово.

Бывшая Диакона — это позор. Как он смеет сравнивать меня с ней.

Я медленно дышу, чтобы успокоиться. Хочу вылететь как ураган и хлопнуть дверью позади так, чтобы он знал, что я слышала то, что он говорил, но я знаю, что Диакону действительно нужна няня, и не хочу подвести его.

Я хватаю полотенце и возвращаюсь к лестнице, делая много шума так, чтобы они могли услышать меня. Сэм спускается по лестнице, впиваясь в меня взглядом. Я сохраняю нейтральное выражение лица, не показав свою ненависть к нему. В конце концов, это — его дом, и я не хочу усложнять ситуацию для Диакона. Не хочу давать Сэму повод выгнать меня и не дать вернуться.

Я стараюсь улыбаться, когда смотрю на Диакона, но я знаю, что улыбка выглядит ненастоящей. Диакон отвечает мне извиняющейся улыбкой.

— Прости моего брата, — говорит он. — Он беспокоится обо мне.

— Всё хорошо? — я спрашиваю.

— Всё здорово.

Я наклоняюсь, чтобы очистить беспорядок.

— Давай здесь я протру, — говорит Диакон.

Он наклоняется, чтобы помочь. Когда он тянется за полотенцем, и наши пальцы соприкасаются, он откидывается назад, как будто прикосновение к моей коже потрясло его как-то. Когда я смотрю на него, его рот открыт, и он смотрит прямо на мою грудь.

Мельком взглянув на свою футболку, я понимаю, что она настежь открыта, а моя грудь вываливались из лифчика, обнажив её. Мои соски едва-едва прикрыты, но ореолы видны.

Я расслабилась, потому что рада, что Сэм не видит этого, сказал бы, что сделала это нарочно.

Дьякон стоит и не прерывает зрительный контакт. Выпуклость в его штанах неоспорима. Я как будто не замечаю этого и своего возбуждения, которое появляется у меня между ног. Судя по всему, он завис. Не то, чтобы я эксперт по размеру. На самом деле никогда не занималась сексом с мужчиной. У меня были парни в прошлом, но не такие как Диакон.

— Ты хочешь встретиться с Бейли? — говорит он, краснея.

— Хочу, — отвечаю я.

Мы входим в комнату Бейли и пытаемся притвориться, что ничего не произошло. Слышу, как дверь машины хлопнула. Выглянув в окно, вижу, как машина умчалась. По крайней мере, мне не придется общаться с ним.

Бейли спит в манеже. Комната — импровизированный детский сад. Наверное, это был

кабинет Сэма, прежде чем Диакон прибыл. Большой письменный стол и всюду бумаги, книги о редких птицах и налогового права.

Бейли такая милая с соской во рту, держит одеяло крохотными ручками. Ей, наверное, около годика, вьющиеся светлые волосы и румяные щеки от жары.

— Она очаровательна, — говорю я.

Когда я взглянула на Диакона, он не отводил от меня взгляд. Это другой взгляд, чем прежде, как будто он только что заметил меня впервые. Как будто он изучает меня, пытаюсь понять, некоторые сложные головоломки, требующие собрать вместе. Он смотрит на меня так, как я всегда хотела, тогда в детстве.

Была ли эта перемена из-за того, что он увидел мою грудь? Или, может, это как-то связано с тем, что Сэм сказал. Может быть, Диакон пытается провести сравнение между мной и бывшей женой. Но я так не думаю. Если бы это было так, я не думаю, что его глаза были бы так открыты и любознательны, как сейчас. Он, наверное, посмотрел бы на меня с негодованием.

Нет, это что — то другое. Может быть, он проверяет, действительно ли я хочу его, как сказал Сэм. Если это так, то это вполне очевидно. Когда наши взгляды встречаются, я не могу отвести взгляд. Он — это всё. Великолепный, милый, вежливый, и прекрасный отец для своего ребенка. Я думаю, как бы не упасть ли в обморок.

Наконец, он разрывает зрительный контакт. Он начал нервно сжимать свои пальцы в кулак. Когда он говорит, в его глоссе слышится легкая дрожь.

— Ну, когда Бейли просыпается, её нужно будет переодеть и покормить. Её еда подписана и лежит в холодильнике.

— Хорошо, — говорю я. — Мы будем в порядке. С четырнадцати лет я каждое лето была няней детей маминых друзей. Умею находить общий язык с ними. Нет необходимости беспокоиться.

Его глаза расширяются.

— Я не волнуюсь.

— О, я просто так подумала, потому что ты выглядишь действительно обеспокоенным сейчас.

Он качает головой.

— Нет, просто у меня новая работа и мне немного нехорошо. Не знаю, чего можно ожидать.

Я киваю, хотя я уверена, что это неправда. Я думаю, что он нервничает, и это как — то связано со мной. Он странно смотрит на меня с тех пор, как поссорился с Сэмом.

Няня — это довольно скучно. Бейли спит, поэтому я читала большую часть времени. Не хочу смотреть телевизор, опасаясь, что она проснется, и я не услышу ее.

Я захожу в комнату Диакона. Просто чтобы посмотреть, как она выглядит. Думаю, что комната находится рядом с комнатой Бейли. Бейли зашевелилась. Я гляжу на нее, и она смотрит на меня с сонным выражением на лице. Такой милый ребёнок, которого я видела и похожа так на Диакона. У его бывшей, сколько я помню, темные волосы и темные глаза. А волосы Бейли светлые, как у её папы, и у неё даже те же светло-зеленые глаза.

— Привет, — говорю я, улыбаясь.

Она морщит подбородок. Я — незнакомка. Она привыкла, что папа всегда рядом с ней. Ей должно быть так страшно.

— О, милая, иди сюда, — говорю я, — и беру её на руки, когда она начинает плакать.

Она продолжает хныкать. Мы идём вниз, и я делаю ей поесть. Плакать перестаёт и смотрит на меня настороженно. Пока не уверена, друг ли я ей, или враг. Мы играем с игрушками, и когда ей становится скучно, я читаю книжки. Ей всё равно, о чём идёт речь, Бейли интересуется звук моего голоса. Поэтому, когда мы прочитали все книги в небольшой библиотеке детских книг, стала читать то, что принесла. Она дергает набор пластиковых ключей, включая кольцо, играет, выглядит счастливой, пока я читала.

Через несколько часов она начинает дремать. Безусловно, самый милый ребенок, о котором я когда-либо заботилась. Я несу её в комнату, боясь разбудить её, я сажусь на пол и держу на коленях вместо того, чтобы положить обратно в манеж.

Всё ещё читаю ей, желая её успокоить своим голосом, даже если она спит. Она в новом доме, в окружении новых вещей, поэтому я не хочу, чтобы она чувствовала себя одиноко или боялась. Особенно когда папы нет рядом.

Внезапно у меня появилось странное чувство, будто за мной кто-то наблюдает. Когда я поднимаю взгляд, вижу, что Диакон стоял, прислонившись к двери. Я понятия не имею, как долго он наблюдал за мной.

Я улыбаюсь ему.

— Она большой поклонник литературы. Ей нужно больше книг. У меня есть много книг, оставшиеся с детства. Я хотела бы дать их, если ты не против, — говорю я.

У него был странный взгляд на лице. Такой серьезный. Он выглядит ошеломлённым. Напряжённым. Интересно, у него был плохой день на работе.

— Да, всё хорошо, — говорит он.

Глава 2

Диакон

Увидев Реми сидящей и держащей моего ребёнка с любовью, что-то просыпается внутри меня. Я хочу её — нет, она нужна мне. Я никогда не чувствовал такое к своей бывшей Карен. Если быть честным, то мне потребовалась неделя знакомства, прежде чем она начала меня привлекать. В то время я жил один в большом доме, и просто хотел с кем-то его разделить. Почему-то убедил себя, что это была она, хотя подозревал, что она совсем не то, что мне нужно. Я имею в виду: кто предлагает отсосать член парню через час после того, как они встретились? Вот что она сделала на нашем первом свидании. Мне никогда не приходило в голову, что она такая с каждым мужчиной, пока не стало слишком поздно.

С Реми была мгновенная связь, когда я увидел её, стоящую в дверях. Она излучает внутренний свет. У неё такая улыбка, которая заставляет всех остальных вокруг неё тоже улыбаться. Есть в ней что-то такое невинное, и всё же нет никаких сомнений в том, что она — девушка. Я хочу её. Я хочу её больше, чем кого-либо. Мне нужно заявить права на неё. Она должна быть моей.

Раньше я этого не замечал, но после разговора с Сэмом, я начинаю замечать, как она смотрит на меня. Я думал, может быть, между нами была взаимная искра, но сначала подумал, что это просто мое воображение. Теперь я вижу, что это не просто дружеский взгляд между соседями. Когда она была моложе, я подозревал, что она, возможно, была влюблена в меня, поскольку она всегда выглядывала из-за живых изгородей, чтобы посмотреть, как я мою свою машину. Но она была всего лишь ребёнком. Тогда и я был другим. Я чувствовал себя молодым. После развода всё изменилось. Женщины всё ещё смотрят на меня, но когда я смотрю на них, то вижу лицо Карен. Моя бывшая жена спала с

мужчинами, которые, как я думал, были моими друзьями. Она уходила каждый вечер и приходила домой рано утром пьяной. Даже когда у Бейли были колики. Я был дома с больным ребёнком, иногда даже оказывались в отделении скорой помощи, в то время как она блаженно проводила время, даже не утруждая себя ответом на мои сообщения. Каждый раз, когда она приходила домой, у неё было новое оправдание. Часто говорила, что её телефон вырубился, или она забыла его в своей машине. Причём это происходит с девушкой, которая никогда не выпускала его из виду. Она забыла, что я её очень хорошо знаю. Я понимал, что она просто не может справиться с давлением материнства или с моногамией брака. Я знал это, прежде чем мы поженились, но почему-то я убедил себя, что она сможет измениться.

Я измучен, хотя стараюсь не показывать это. После развода я был уверен, что я ничего не захочу кроме случайных связей, но в Реми есть что-то другое. Мне нужно знать, есть ли у нас шанс.

— Как прошло всё сегодня? — спрашиваю я её.

Она кладёт Бейли в манеж, потом смотрит на меня с улыбкой, которая освещает меня с ног до головы.

— Отлично. Понадобилось немного времени, но я думаю, что она привязалась ко мне.

— Супер, — говорю я. — Работа твоя, если ты этого хочешь. С понедельника по пятницу.

— Я не против, — говорит Реми, не прерывая зрительный контакт, а мягкий голос, вызывает мурашки, скользя вверх по рукам.

Она начинает выходить из комнаты, отодвигая меня в дверном проёме, но я не могу позволить ей уйти. Вся эта тяга к ней душит меня. Я должен просто отпустить её. Пусть это всё будет не больше, чем работа няни, как и было, задумано изначально.

Я положил руки на её плечи. Она не пыталась вырваться из моих рук. Вместо этого, она смотрит на меня, открыто и настороженно. В прихожей темно, тень скрывает её лицо, но я вижу каждую ресничку и блеск в её глазах. Я наклоняюсь и чувствую запах её волос. Лаванда и цитрусы. Чистый и свежий. В ней нет ничего порочного. Не как моя бывшая жена, которая всегда пахла сигаретным дымом и мужским одеколоном; аромат, который связан с барами и клубами. Реми не похожа на неё. Я не знаю, как точно это сказать, но это чувство не отпускает меня.

Она вздыхает достаточно громко, что я услышал. Воздух кажется наэлектризованным. Я не знаю, чувствует ли она эту связь между нами. Я определённо знаю, что здесь что-то есть.

Кончиками пальцев я отбрасываю её длинные волосы с плеч, обнажая молочную кожу тонкой шеи. Её дыхание дрожит, и она тянется к моим рукам.

— Я должна идти, — шепчет она.

Чёрт. Я сделал что-то не так. Я зашёл слишком далеко. Но она не пытается уйти. Вместо этого она говорит.

— Прежде чем что-то случится.

— Что может случиться? — спрашиваю я, хриплым голосом, соответствуя ей.

Она приближается ко мне. Её губы влажные и манящие. Я наклоняюсь, чтобы поцеловать её, но прежде чем наши губы касаются, входная дверь открывается и звучит голос Сэма у лестницы.

— Диакон, ты дома?

Предупреждение Сэма возвращает меня на землю. Он думает, что Реми сломает меня.

как Карен, но он ошибается. Впрочем, Сэму это не известно. Он так же предупреждал меня о Карен, и я тоже не слушал его. Когда он узнал, что мы расстались, это было самодовольное:

— Я же — говорил — тебе, хотя его слова не утешали.

Он всегда был любимым ребёнком. Все слушают Сэма. Ну, не в это раз. Хоть он и старается, но я не позволю ему управлять моей жизнью, стать каким-то одиноким грустным мешком, как он. Я даже не могу вспомнить, когда он ходил на свидание последний раз. Скорее всего, он и их пытался контролировать. Я устал от этого. Я взрослый человек и я могу принимать собственные решения.

Я хочу удержать Реми в руках, но она отпрыгивает от меня, когда слышит его голос. Она выглядит лохматой, как будто подскочила после сна, её глаза блестят, лицо покраснело. Я хочу сказать ей, что всё хорошо и не стоит беспокоиться о том, что думает Сэм, но она слишком быстро отошла от меня.

— Мне нужно идти, — говорит она, дрожащим голосом, явно расстроенная. Я хватаю её за запястье, мой член твердеет от ощущения мягкой кожи в моей руке.

— Твой чек, — говорю я, доставая из кармана и вручая ей. Она пристально смотрит на меня. Нет, она не замечает ничего. На этот раз я и не пытаюсь что-то скрыть. Меня не волнует, знает ли она, как я хочу её.

Она берёт чек у меня, избегая касания моей руки.

— Спасибо. В то же время завтра?

— Да, — говорю я.

Она пробегает мимо Сэма, который поднимается по лестнице.

Сэм наблюдая за её выходом, дождавшись пока за Реми закроется дверь, смотрит на меня и говорит:

— Я до сих пор ей не доверяю.

Я на это качаю головой.

— Я думаю, что это не будут разрушающие отношения, как с Карен, — говорю я и на самом деле так считаю. Я не думаю, что Реми похожа на Карен, так что мои слова в основном правдивые.

Я лежал в постели, глядя на потолок, но не мог заснуть. Поэтому я подошёл к окну и мой взгляд устремился в направлении дома Реми. Моё сердце остановилось, когда я увидел её через щель занавесок. Свет горит. На ней только бюстгальтер. Впрочем, саму её не вижу. Задержав дыхание, я жду, когда снимет она его. Пожалуйста, сними, умоляю я молча. Она завязывает свои волосы в пучок на голове, снова обнажая длинную шею.

Закрыв глаза, она проводит руками по своему телу.

— Что ты делаешь? — шепчу я в окно.

Её руки скользят по груди, и мой член твердеет от этого вида. Когда её голова откидывается назад, я знаю, что она наслаждается чувством собственной кожи, и мне интересно, думает ли она обо мне. Она бросает взгляд в окно, глядя прямо в мою комнату. Мой свет выключен, поэтому я знаю, что она не может меня видеть, но смотрит. Может она надеется, что я тоже смотрю? Надеется увидеть меня тоже? Ну, да, я смотрю, сексуальная девушка, так что покажи мне шоу. Она знает, что её занавески открыты. Знает, что кто-то может увидеть её. К счастью, комната Сэма находится по другую сторону дома. Знает ли она это? Входила ли в мою комнату? Я представляю её здесь, просматривающую мои вещи, думающую обо мне.

Наверное, нет, но фантазия приносит моё тело к жизни. Я наблюдаю за ней, прикасающуюся к себе, и я запускаю руку в боксеры, беру его в руки и начинаю тереть. Она поворачивается спиной ко мне. Я вижу упомрачительные бёдра, но не ниже. С этого ракурса она выглядит так, как будто не носит трусики. Реми дотягивается до спины, расстегивая лифчик. Он падает на пол.

Я возбуждился, мой член так сильно пульсирует. Я дернул его сильнее, упираясь другой рукой о подоконник, чтобы не упасть. Она что-то делает с рукой. Она проскользнула между ног? Я не знаю, но опять же, я говорю себе, что бы она делала это. Моё дыхание учащается, я уже почти там с ней, член натягивается. Наступает это давление, чуть-чуть и я взорвусь. Глажу, глажу, наконец, облегчение.

Я прислоняюсь к краю окна, пытаюсь отдышаться. Прибираясь после моей несдержанности, все так же наблюдаю за ней, как она надевает свою ночнушку и тушит свет. Я тоже решил вернуться в кровать, и, наконец, заснул.

Глава 3

Реми

Прошлой ночью, пока я была в своей комнате, чувствовала, как будто за мной наблюдают. Не знаю, был ли это Диакон, но я надеюсь, что это был он. Я убедилась, что стою именно там, где он сможет увидеть меня. Если бы я знала точно, я бы показала ему больше кожи. Но не хотела столкнуться с Сэмом, не хочу казаться вульгарной. Шторы были просто немного открытыми, там, где это возможно, чтобы выглядело так, будто они по ошибке открыты, и не совсем очевидно, что я трогаю себя. Просто намекнула на это.

Мысль, что Диакон наблюдал за мной, делала меня счастливой. Я никогда раньше не была настолько безрассудна. Это было незабываемо.

Могу спать спокойно, поскольку Диакон вернулся в соседнюю комнату, я пошла вниз, посидела на кухне, перемешивая сахар и сливки в кофе. Я не могу перестать думать о нём и о его поцелуях. Как далеко мы могли бы зайти, если бы Сэм не зашёл? Гораздо дальше, я уверена. У нас был бы дикий, страстный секс прямо там, в доме Сэма. Он бы сошёл с ума, если бы это произошло. Я не могу не смеяться, когда представляю, как он застучал нас с кипящим красным лицом, потому что запах нашего занятия любовью наполняет воздух.

Я до сих пор не могу поверить, что нравлюсь Диакону. Все эти годы, тоскуя по нему, представляя, каково это быть с ним, фантазируя о том, что он влюбляется в меня. Потом он переехал, и я потеряла всякую надежду. После того, как он уехал, я ходила на несколько свиданий с парнями своего возраста. Мне даже понравился один из них. Его звали Тревор. Он был высоким, с грязными светлыми волосами и светло — зелёными глазами. Он мог быть Диаконем в более молодом возрасте, они были так похожи внешне. Он слишком любил меня и отношения росли. Он забирался на стены моего дома, проникал в мою комнату почти каждую ночь, никогда не подталкивая меня идти на большее, чем я хотела. Мы говорили о поездке в Европу после окончания учебного заведения. Он играл в лакросс и ездил на внедорожных мотоциклах. Мы такие разные. Я была домашней. Мне нравилась домашняя работа, чтение и фантазирование о том, что большинство девушек моего возраста никогда не думали об этом, как завести семью и остепениться.

Я подумала, что приключение было тем, в чем я нуждалась. Как я узнаю, чего хочу в будущем, если я не попробую что-нибудь другое?

Однажды ночью, на вечеринке, Тревор и я почти прошли весь путь. Мы целовались, лаская друг друга. На нас не было одежды. Он лежал на мне сверху, трущийся о меня, и это

чувство было удивительным. Я даже была рада потерять девственность. В то время я думала, что это именно то, что превратило бы девочку в девушку, и я действительно хотела быть девушкой.

Но как только мы должны были сделать в наших отношениях следующий шаг, я думала о Диаконе. В моей голове были руки Диакона на мне, его губы целовали меня, его тело на мне. Я чувствовала себя настолько виноватой, потому что не разу за всё время не думала о Треворе. Это не справедливо по отношению к нему, думать о другом мужчине в то время как мы собирались заняться сексом в первый раз. Я остановила его и в итоге рассталась с ним на следующий день. Вся причина существования наших отношений было в первую очередь потому что он похож на Диакона. Это было неправильно. Вся эта хрень была лишь отвлекающим манёвром. Это было год назад и с тех пор я была одна.

Мой разум блуждает назад к Диакону и к прошлой ночи. Я думаю о том, как он вдыхал мои волосы и сдвинул их с плеч, чтобы обнажить шею. Думаю о том, как он наклонился, чтобы поцеловать меня, и я просто в восторге.

Игнорируя реальность появления Сэма, я представляю, что могло бы быть. Мои и Диакона губы соприкасаются, наши языки страстно сплетаются. Он поднимает меня, мои ноги обвилились вокруг его талии, пока он нёс меня в свою комнату и укладывал на свою кровать.

Поцелуи, прикосновения, изучение тел друг друга и то, что мы хотели. Падая в его объятия, наконец, он забирает мою девственность. Запыхавшиеся и бессильные, но довольные.

Такой громкий стук, когда графин с кофе опускается на столешницу. Это пугает меня, и я выпрыгиваю из своих грёз.

— Сливки? — мама говорит.

Я смотрю на неё широко раскрытыми глазами и немного страшно, как будто она читала мои мысли о Диаконе.

— Что? — спрашиваю я.

— Всё ещё будешь сливки? — спрашивает она.

Покраснев, я говорю.

— Ой. Нет. Извини. И сдвигаю их через стол.

Она льёт сливки в свой кофе и садится обратно.

— Так как работа няни?

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Отлично. Милый ребенок. Легко присматривать за ней.

Мой голос звучит нервно. Я надеюсь, что она не замечает или не будет задавать ещё какие-то вопросы.

Она отпивает глоточек кофе, читая мокрую газету.

— Хорошо. Он попросил тебя работать снова в качестве няни?

— Да. Он предложил мне работу.

— Превосходно, — говорит она, не отрываясь от бумаги. — Может быть, теперь ты сможешь разобраться с телефонным счётом.

Я вздыхаю с облегчением.

— Без проблем.

Я направляюсь к Диакону снова. На этот раз я приношу сумку, полную детских книг и

овощей из сада.

— Привет, — Диакон говорит, его лицо светится, когда он открывает дверь.

Я чувствую, что моё лицо отражает его. Как такое возможно, что он выглядит сегодня ещё лучше, чем вчера?

— Привет, я принесла кое-что для Бейли, — говорю я ему.

— Это так мило.

Он определённо смотрит на меня сегодня по-другому. Нет сомнений. Вместо того, чтобы отвести взгляд, его глаза бегло осматривают моё тело. Я могу сказать, что он пытается не быть слишком очевидным, но у него не очень то и получается. Теперь я почти уверена, что он видел меня прошлой ночью. Я хочу спросить его об этом, понравилось ли ему то, что он видел, но, если он действительно не видел меня, я буду походить на сумасшедшего человека.

Он приглашает меня в дом. Оглядываясь назад, на подъездную дорожку, я вижу, что машины Сэма здесь нет, и я нутром чувствую себя намного комфортнее. Это очень хорошо, потому что сегодня я одета немного сексуальнее, чем раньше. На самом деле, сегодня я одела что-то похоже на вчерашнее. Шорты и свободную майку, но отказалась от бюстгалтера. Мои соски твёрдые, как камушки, шёлковая ткань трётся об них. Это невозможно не видеть сквозь мою майку. Он определенно замечает, потому что его глаза каждый раз спускаются вниз, когда он оборачивается и смотрит на меня. Я заметила, что он всё время слегка поворачивается в сторону, поэтому я не вижу передней части штанов.

На кухне я стала мыть овощи. Не осознавая этого, я держу огурец под водой, убирая грязь поглаживающими движениями. Диакон смотрит с озорной улыбкой, которая распространилась по его лицу.

— Боже мой, — говорю я, наконец, выяснив тайну его улыбки.

— Нет, пожалуйста, продолжай, — говорит он сквозь смех. — Мне любопытно наблюдать за твоей техникой.

Я не могу не смеяться и смахиваю на него воду. Он утихает, но продолжает смеяться. Он подходит ко мне, чтобы сбежать от ещё одного брызга воды и тогда касается моих плеч. У меня появляется дрожь по всему телу.

Я не могу не смеяться и смахиваю на него воду. Он утихает, но продолжает смеяться. Он подходит ко мне, чтобы сбежать от ещё одного брызга воды и когда у него получается это сделать, он касается моих плеч. У меня появляется дрожь по всему телу. Волоски на моих руках встают дыбом. Моя киска болит каждый раз, когда его кожа касается моей, хотя он и не трогал меня в интимных местах. Этого никогда не случалось со мной, когда я встречалась с парнями.

Его пальцы поглаживают мои руки. Я делаю резкий вдох и слышу, как он издал глубокий звук, прежде чем прижать наши тела друг напротив друга, прижав меня к стойке. Я чувствую, как ему сложно справиться с собой. Я откидываюсь назад и прижимаюсь к нему. Он стонет и сильнее прижимается.

Прежде чем зайти так далеко — а я хочу, чтобы мы зашли слишком далеко — Бейли начинает плакать. Диакон вздыхает и отступает. Я чувствую, что его присутствие всё ещё со мной, его прикосновения как призрак до сих пор остаются даже после того, как он уходит. Он прочищает горло. — Я не знаю, что на меня нашло. Мне очень жаль. Это было совершенно неуместно. Я надеюсь, что не заставил тебя чувствовать себя некомфортно, — говорит он.

Я поворачиваюсь к нему. — Нет, — говорю я в отчаянии. — Ничего из того, что ты делаешь никогда не заставит меня чувствовать некомфортно.

Его щёки краснеют, и улыбка появляется в уголке рта. — Я должен пойти проверить Бейли.

Она действительно плачет, сердито, требовательно.

Я плотаю и избавляюсь от этого тяжёлого, похотливого чувства. Может, это и к лучшему, что нас прервали. Мы не могли просто прямо здесь спрятаться и сделать это на столешнице его брата.

Я оглядываюсь.

Или могли бы?

Нет. Точно нет. Сэм мог вернуться домой в любой момент, и нас бы поймали. Я не хочу дать повод Сэму ненавидеть меня ещё больше.

Мы поднимаемся в комнату к манежу Бейли. Она встаёт, тянется к своему папе, когда видит его. Это самая восхитительная вещь в мире. Точно папина дочка. И он такой милый с ней. Просто есть что — то сексуальное в мужчине, держащем своего ребёнка.

Он берёт её на руки, и они садятся на пол. Слезы Бейли останавливаются. Она скорее всего помнит меня, потому что тянет свою маленькую ручку в мою сторону. Я беру её и сажусь рядом с ними.

— Вау, она очень придирчива к людям, она позволяет находиться рядом с собой только мне, — Диакон говорит. — Она такая территориальная. Ты ей действительно нравишься.

Я скрещиваю глаза, корча смешные рожицы для неё, заставляя её смеяться.

— Мне она тоже нравится.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он начинает напевать мелодию, колыбельная, которую я помню из моего детства. Мы напеваем вместе. Я ничего не могу с собой поделаться. Он улыбается, ободряюще, поэтому я начинаю петь слова, и он подпевает тоже. У него отличный голос, и я всегда пела соло, когда была в школьном хоре, так что я знаю, что тоже хорошо пою. Бейли, похоже, нравится. Её улыбка растягивает пухлые щёчки и она выпускает счастливые булькающие звуки. Через несколько минут она засыпает. К концу песни, она отключилась.

Диакон кладёт её в манеж, а я выхожу из комнаты в тёмный коридор. Это место, где мы вчера стояли, когда он убирал волосы с моего плеча и мы почти поцеловались. Он подходит ко мне, но останавливается, прежде чем приблизиться. Его глаза напряжены, сосредоточены на мне. Они сверкают в тусклом свете, прося чего — то большего. Я шагаю к нему, давая знать, что я готова. Я хочу этот поцелуй больше, чем что — либо в своей жизни.

Только, вместо того, чтобы приблизиться, он делает шаг назад. Он колеблется. Что я сделала не так? На кухне казалось, что он действительно хотел меня. Я так запуталась сейчас. Я знаю, что если мы поцелуемся, или если пойдём дальше, это может изменить динамику отношений между нами. Всё может испортиться. Может, он боится, что если мы будем спать вместе и всё изменится между нами, то некому будет позаботиться о Бейли, когда он уходит на работу. Я не могу винить его. Я знаю, как трудно найти того, кому можно доверить присмотр своего ребёнка.

— Мне нужно идти на работу, — говорит он, его голос колеблется, как будто он на самом деле не хочет уходить.

Я хочу сказать, чтобы он остался со мной, но я не хочу, чтобы у него были неприятности на работе. Я не хочу быть эгоисткой.

— Конечно. Не волнуйся ни о чём.

— Как ни странно, я не беспокоюсь ни о чём, зная, что ты следишь за моей дочерью. Я всегда беспокоился о ней иначе, но вижу она в надёжных руках.

Эти руки способны на другие вещи, а не просто на присмотр за детьми. Они способны сделать его счастливым. Я хочу показать ему это. Я хочу сказать ему это, но я не могу. Не без изменения отношений между нами, которые могут быть не навсегда.

Он уходит на работу. Я наблюдаю за ним из окна, как он выезжает из подъезда и направляется вниз по дороге. Как только он скрылся из виду, я иду в его комнату. Все эти годы мне было интересно, что там. Мне нужно это увидеть для себя.

Первое, что я делаю, так это подхожу к окну, где видна моя комната. Так что вполне возможно, что он следил за мной прошлой ночью. Там отпечатки пальцев. Он смотрел на меня и коснулся окна?

Я оглядываюсь на остальную часть комнаты. У него огромная двуспальную кровать с синей простыней и сочетающимся одеялом. Такая холостяцкая комната. Очень мало украшений, и всё мягкое, темного цвета. Скинув свои ботинки, я плюхнулась на его кровать, растянувшись, двигая руками, как если бы я делала снежного ангела на прохладной ткани своего одеяла.

Я чувствую его запах на простынях, мускусный аромат его одеколona, мыло, которое он использует, и гель, который он наносит на волосы. Положив его подушку на лицо, я обнимаю её крепко и глубоко вдыхаю. Я так завелась, что едва могу выдержать это. Раньше я мастурбировала своей подушкой, когда думала о нём. Это было до того, когда я стала достаточно взрослой, для того, чтобы пойти в секс — шопы и купить себе игрушки. Я брала свою подушку и притворялась, что это был он, раздевалась, а затем тёрлась против неё пока, ну, вы знаете. Я искушаюсь использовать его подушку в качестве своей новой игрушки, может взять её себе. Я могла бы взять Бейли, когда она проснётся и побежать к себе домой. Всё, что мне нужно сделать, это надеть на неё наволочку.

Улыбаясь, я снимаю подушку с лица, когда становится слишком жарко. Когда я делаю это, я вижу тёмную фигуру в дверном проёме, моё сердце разгоняется миллион миль в час.

Диакон стоит там, кривая улыбка на его лице.

— Привет, — говорит он.

Покраснев, я спрашиваю — Что ты здесь делаешь? Почему ты не на работе?

Я сижу и начинаю вставать, но он говорит — Нет, оставайся там.

Мне кажется, что у меня проблемы. Как ребёнок, который сделал что-то не так и меня заставили остаться на кровати и не двигаться.

— Я звонил больным, — говорит он, двигаясь к кровати. Ко мне. Моё дыхание убыстряется.

— Я не мог перестать думать о тебе. У нас есть связь. Я знаю, что ты это чувствуешь.

Я откидываюсь назад, пока не ложусь на его кровать, и теперь у меня перехватило дыхание, когда он наклонился ко мне. Я киваю, потому что мой голос застрял в горле. Он хватает мои руки и поднимает их над моей головой. Выпустив низкий стон, я приветствую эту агрессивную сторону.

Он преодолевает расстояние между нами, до тех пор пока наши губы не касаются друг друга. Сначала это нежный поцелуй. Его губы узнают мои. Они мягкие и нетерпеливые. Он оседает на меня, пальцы скручиваются в моих волосах. Мне нравится, что его тело идеально подходит мне. Наши бёдра и грудь сливаются, как будто мы созданы друг для друга. Я могу

чувствовать его сердцебиение напротив меня, двигающееся так же быстро, как и моё. Он кажется таким уверенным, но его сердцебиение наводит на мысль, что он тоже нервничает. Или может быть он так же рад быть со мной, как и я, наконец — то с ним. Я не могу поверить. Что это происходит на самом деле. Все мои юные мечты сбываются, и я стараюсь запомнить это чувство, звук его дыхания, запах, чтобы сохранить все о нём в своей памяти навсегда.

Наши языки встречаются. Конечности переплетаются. Я трогаю его через рубашку, перебираясь всё выше взъерошив его волосы. Его кожа горячая на ощупь, мышцы натянuty. Смотри вниз между нами, я вижу, как он напряжённо пытается выбраться из своих джинсов. Я очень хочу помочь ему. Он встаёт, чтобы дать мне побольше места, я расстегиваю его джинсы и скольжу рукой в его боксеры, задыхаясь, когда чувствую, какой он большой. Как он поместится?

Струйка страха пробегает через меня, когда я думаю о боли в сексе, в первый раз. Особенно с кем-то настолько большим. Я знаю, что это маловероятно, но я не могу не волноваться, что он не поместится.

Каким-то образом ему удаётся спустить свои джинсы одной рукой. Его боксеры скользят вниз по его узкой талии, и я вижу, насколько он утрашающий. Я нервничаю, но в то же время больше возбуждаюсь, чем когда — либо. Его кожа раскалённая и шелковистая. Я держу рукой его плоть, медленно поглаживая. Он издаёт глубокое, мужественное рычание, от которого мурашки по коже.

Как будто я разбудила зверя. Внезапно он срывает с меня одежду, его глаза дикие с похотью. Я тряпичная кукла, согнутая в грубом положении. Эта перемена его дикой стороны и я понимаю разницу между мальчиком и мужчиной — это разные вещи. Мой бывший, Тревор, был ужасной заменой настоящего.

Моей одежды нет в считанные секунды. Он сидит, просто смотрит на меня. Это заставляет меня немного засмущаться, но сосредоточенное выражение на лице позволяет мне знать, что ему нравится то, что он видит, и всё, что я хочу сделать, это доставить ему удовольствие, так что я не закикливаюсь на себе. Я остаюсь открытой для него, пусть видит всю меня, каждый недостаток, каждую веснушку.

— Ты самая соблазнительная девушка, которую я когда — либо видел, — говорит он глубоким, страстным голосом.

Он целует меня снова, облизывая, кусая мою нижнюю губу, в то время как его руки исследуют мою грудь. Я никогда не знала, какие чувствительные бывают мои соски до этого момента. Каждый раз, когда он щипает один, он посылает завиток молнии вниз к моему клитору, который опух и заброшен, в то время как остальное моё тело получает всё внимание. Но всё в порядке, потому что я знаю, что стоит подождать того, когда он, наконец, будет трогать меня там.

Он берет одну грудь в рот, рыча, как собака с игрушкой, которой не хочет делиться ни с кем. Он властен над моим телом. Я никогда не чувствовала такого желания раньше. Затем он переключается на другую грудь, убедившись, что каждому уделит долю внимания.

Когда он поднимается, говорит — У тебя самые прекрасные сиськи. — Он сжимает один и оближивает вокруг ареола. — И самые симпатичные маленькие соски. — Он поднимает их, держит их. — Это теперь принадлежит мне — он говорит властно. — Никто не может прикоснуться к ним.

— Всё моё тело — твоё, — говорю я отчаянно. — Я хочу только тебя. Я всегда хотела

только тебя.

Он откидывается назад, с любопытством глядя на меня, всё ещё держа мою грудь в руках. — Всегда?

— С тринадцати лет, — говорю я. — Я была безумно влюблена в тебя. Ты, наверное, заметил. Я не очень хорошо скрывала это.

Он смеётся.

— У меня было предчувствие, когда ты каждый раз выходила из своего дома. Я видел, как ты несколько раз смотрела на меня.

Я чувствую, что я краснею, но меня это не волнует. Я хочу, чтобы он знал. — Я была немного одержима тобой.

— Да? — говорит он и целует мой сосок. — Ты фантазировала о том, что мы вместе?

— Все время.

Он всасывает почти всю грудь в рот и начинает сосать и покусывать. Давление между моими ногами нарастает, до тех пор пока я не чувствую, что разорвусь. Когда он отпускает, спрашивает — Что ты представляла в своих фантазиях со мной?

Его рука пробегает по коже внутренней стороны бедра, приближаясь слишком близко к промежности между ног, но он никогда не заходит так далеко. Как будто он знает, через какие муки я прохожу и хочет меня мучить.

Мои руки спускаются к его ягодице. Я спускаю его боксеры до колен, насколько я могу. Он спускает их вниз на лодыжки, и он отталкивает их. Мы оба совершенно голые. Это страшно и захватывающе одновременно. Он обладает удивительной сдержанностью.

Я приближаюсь к нему, но он умудряется удерживать наши бедра от прикосновения.

— Я представляла, что ты трогаешь меня, — я киваю, — там.

Он улыбается и хихикает.

— Ты имеешь в виду свою киску? — говорит он.

Я краснею. Я не знаю, почему это такое неловкое слово для меня. В конце концов, я взрослый человек. Мне восемнадцать. Но по какой — то причине это всё ещё кажется плохим словом.

— Да, — говорю я. — Моя киска.

Я пробую слово. Это странно. Немного озорное, немного неловкое, но мне нравится это. Чувствуешь себя сексуальной. И я могу сказать, что Диакон перестаёт улыбаться, его черты становятся более резкими, напряжёнными. — Я представляла, как ты пробирался в мою комнату, когда моё окно было оставлено открытым в летние ночи. Ты бы разбудил меня, облизывая мою киску.

Он издаёт низкий звук в горле. Его руки сжали мои груди, сильнее ущипнув соски, пока моя киска не начинает течь повсюду. Я чувствую лужу, растущую на простыне под моей задницей.

— Что ещё, — говорит он шёпотом, когда разводит мои ноги в стороны и сжимает кожу на внутренней стороне бедра, как будто он сдерживается, чтобы не разорвать меня.

— А потом ты бы меня трахнул, — вдруг эти слова вырываются из меня, как будто они всегда были там, в плену, просто ждали подходящего момента, чтобы сбежать. — Ты бы засунул свой член настолько глубоко в меня, что мне пришлось бы прикусить подушку, чтобы не заорать. Когда я слишком громко кричала, ты бы перевернул меня на живот и подтолкнул моё лицо в подушку, как бы трахать меня сзади.

Его руки по — прежнему сжимают мою внутреннюю поверхность бедра, но его лицо

выглядит немного ошеломлённым. Он стоит так несколько секунд и я задумываюсь, зашла ли я слишком далеко. Затем на его губах появляется улыбка, озаряя всё его лицо.

— Вау. А я вот думал, что когда молодые девушки без ума от мужчин более старшего возраста, всё дело в хороших ужинах и романтических жестах.

Я улыбаюсь ему. — Это тоже хорошо, — говорю я.

Он смеётся и целует меня в губы, поцелуй становится из медленного в жаркий чувственный. Его губы на вкус так хороши. Пока его губы опускаются вниз по моей шее, его руки двигаются вверх по бёдрам, разводя мои ноги. Он массирует опухшую кожу моих половых губок, щипает и тянет.

Я обнимаю его за шею, толкая мои бедра к нему, ною и шепчу — О, чёрт возьми, — потому что ощущения в моём влагалище становятся более заметными.

— Я хочу почувствовать тебя внутри, — говорю я ему.

Хотя у меня никогда не было секса, что — то инстинктивное подсказывает мне, что это единственное облегчение от давления, которое я чувствую.

Кончик его пальца находит верх моего клитора, и он начинает тереть медленными кругами, и я кричу его имя, чувствуя, как будто меня запустили из этой кровати, прямо через потолок. Я мастурбировала тысячу раз, но никогда не чувствовала этого. Это совершенно другой опыт, когда ты возбудилась так сильно, что кислород не попадает в твой мозг, и ты чувствуешь себя сумасшедше похотливой, а всё это кто — то делает для тебя. Это сногшибательно.

Оргазм на вершине меня, прежде чем я даже понимаю, что он приближается. Я не могу издавать звуки и моё тело корчится в спазмах. Сначала я думаю, что мы закончили, потому что, когда я трогаю себя, чувство закончилось. Но Диакон продолжает гладить, и я понимаю, что это не всё. Это сильное чувство просто держит меня, пока почти не больно, и думаю, мы должны остановиться, прежде чем боль становится невыносимой, но он продолжает тереть и вместо боли стало хуже, что-то внутри меня лопается и взрывается в удовольствие, и я всё плыву и плыву. Кричу и не могу контролировать себя, даже не понимая, что происходит.

Диакон целует мою грудь, наблюдая за моим лицом с дразнящей улыбкой. — Как это было? — спрашивает он.

— Какого хрена только что произошло? — я говорю, запыхавшаяся и немного смущённая. Я много лет мастурбировала, но никогда не знала, что это может быть так. Это почти предательство, так как моё тело всё время лгало мне.

Он прячет лицо между моих грудей и начинает смеяться. Я чувствую себя немного глупо, как какая — то невежественная маленькая девочка, а не сексуальная девушка, которую я пытаюсь изобразить.

— У тебя никогда не было оргазма раньше? — говорит он, когда он, наконец, перестаёт смеяться.

Я до сих пор запыхавшаяся, моё сердце бешено колотится в затылке. — Не такой. Ничего похожего на такое.

Он смотрит на меня, теперь хорохориться, когда улыбается. — О, милая, это ничто по сравнению с тем что я планирую сделать с тобой.

Дрожь пронзает меня и сейчас это похоже на Рождество. Я так взволнована, что едва могу усидеть на месте.

Он продвигает дорогу поцелуями по моему телу, пока его голова не оказалась между моих раздвинутых ног. Сначала он просто дразнит меня. Кусает там. Моё тело реагирует.

Просто знаю, что он может завести меня. Затем его язык тянется, касаясь, это самое нежное место и как будто весь остальной мир просто ускользнул в пропасть. Я закрываю глаза, улетаю в чувства, которые он мне даёт. Он всасывает кожу моих губ, ухаживая за моим клитором. Глубоко водит языком. Он так сосредоточен. Кожа на лбу напрягается, когда он концентрируется на том, чтобы принести мне удовольствие.

Когда он поднимается, то говорит — Твоя киска так хороша. — Затем он ныряет обратно. Я держу его затылок, запустив пальцы в его густые волосы.

Он прижимает весь рот к моей киске, жаждущий этого. Посасывая и облизывая, как будто он боится пропустить одну каплю.

Удивительное тепло разливается по моему телу, чувствую, как будто я пылаю внутри. Я никогда не чувствовала себя так. Всегда было неудобно смущать других парней, когда мы дурачились и было очевидно, что ни у кого из нас нет такого опыта. Может быть, это потому, что Диакон старше и опытнее. Он, кажется, знает точно, в чём и когда моё тело нуждается.

Он вталкивает свой палец, и хотя я щупала раньше себя сама — это похоже на то, что он нашёл какой — то секретный проход, центр удовольствия, который был скрыт всю мою жизнь, и только его палец является ключом к его разблокировке.

Я издала громкий стон, несмотря на то, что пыталась быть тихой, чтобы не разбудить ребёнка. Наверное, уже слишком поздно. Я уже не раз кричала.

Он пробует второй палец. Очень узкий проход.

— Иисус, ты такая тугая, — говорит он.

Я почти говорю ему, что у меня никогда не было ничего большего, чем один палец внутри меня. Я боюсь сказать ему, что я девственница, боюсь, что это может отпугнуть его. Я не хочу, чтобы это прекратилось. Я не хочу, чтобы он считал меня маленьким ребенком по соседству. Я теперь девушка, и я не хочу останавливаться.

Я беру его за руку и перемещаю его, прежде чем он поймет, что я девственница.

— Ты мне нужен, — говорю я ему. — Я хочу, чтобы ты был внутри меня.

Он поднимается, целуя меня всё время. Пока он на вершине, он смотрит на мои глаза, и он такой безумно красивый. Я не могу поверить, что это действительно произойдет с ним. Все эти подростковые фантазии, наконец, сбываются. Я едва сдерживаю себя.

Головка его члена трётся о мой клитор, мы оба влажные и скользкие, это сводит меня с ума. Он начинает входить в меня и когда он делает это, есть легкий оттенок боли. Он останавливается. Хмурит лоб. Долгая пауза, он изучает моё лицо, прежде чем он, наконец, говорит

— Ты девственница?

Я делаю глубокий вдох. Нет смысла лгать. Это довольно очевидно.

— Да.

Он издаёт разочарованный вздох, и моё сердце сжимается. — Реми, твой первый раз должен быть с близким тебе человеком, — он начинает отходить, но я хватаю его за бедра, удерживая на месте.

— Нет никого другого, с кем бы я хотела потерять девственность. Я была влюблена в тебя с тринадцати лет. Ни с кем никогда не чувствовала себя так, как с тобой. Я всегда ждала тебя, — говорю я. — Я хочу сделать это с тобой и только с тобой.

Голод в его взгляде усиливается. Его губы поглощают мои, наши языки сталкиваются вместе, извиваясь.

— Ты уверена, что хочешь этого? — говорит он, задыхаясь. Палец поглаживает изгибы моей нижней губе.

— Конечно, я уверена. Я никогда не была так уверена в чём — либо в своей жизни, — говорю я.

Он отодвигает волосы от моих глаз и целует меня в лоб. — Это может быть больно.

— Я знаю. Всё в порядке, — уверяю его. — Я хочу этого.

Он наклоняется и начинает тереть мой клитор, двигая головку члена, слегка прижавшись к моей девственной стенке. Я издала стон, мои глаза закатились. Это потрясающе.

Затем он вторгается в меня. Как острый нож, как удар, резкая, режущая боль, когда он проделал весь этот путь в меня. Дыхание перехватывает, слишком испуганная, чтобы издать звук. Он не двигается, позволяя моему телу приспособиться к этому новому чувству. Внезапно я задыхаюсь.

— Эй, ты в порядке? — спрашивает он, глядя на меня с беспокойством.

Боль длится не долго. Это, в основном, шок, который держит рот и глаза открытыми.

Я киваю головой.

— Да, я в порядке.

Он целует мои губы и это самый нежный, ласковый поцелуй, который я когда — либо получала. Он начинает двигаться, скользя в меня. На этот раз чувствую себя хорошо. — Всё хорошо? — спрашивает он. Чем больше движется, тем лучше.

Я закрываю глаза и улыбаюсь. — Это прекрасно.

Его глаза закрыты, и его лицо — это сочетание удовольствия и боли.

— Иисус, твоя киска чертовски тугая.

Он двигается медленно, и это замечательно. Если бы кто-нибудь сказал мне, насколько удивительное это чувство, я, возможно, потеряла бы девственность несколько лет назад. Но все, что когда — либо говорили, было о страшной боли. Никто никогда не говорил, что это длится только секунду, а как только её нет, секс — это чертовски сногшибательно. Либо у меня хреновые друзья, либо у них был дерьмовый сексуальный опыт. Или, может быть, это просто потому, что Диакон знает, что делать.

Медленные движения прекрасны. Я поднимаю свои бёдра, чтобы встретить его толчки, наши бёдра сталкиваются.

Он улыбается. — Значит тебе нужно жёстче, а?

Я хватаю его задницу, сжимая. — Да, я хочу, чтобы ты трахнул меня, — требую я.

Он садится на колени, хватая меня за ноги, положив их на свои плечи. Он поднимает мою задницу в воздух. В следующий раз, когда он врзается в меня, он опускается, а я кричу. Это так глубоко, такое новое ощущение. Потрясающее, пугающее и замечательное. Почти не больно.

Он всё ещё движется и говорит — Святое дерьмо, я никогда не чувствовал такое тугое влагалище. Ты убиваешь меня, девочка. Я не думаю, что смогу удержаться слишком долго. Я собираюсь излить своё семя прямо в твою матку.

Его слова сначала шокируют меня. Он не надел презерватив. Я действительно не думала об этом, когда мы начали. Я никогда не думала, что он на самом деле захочет двигаться внутри меня. Но теперь, когда он это говорит, я представляю, свой живот большим и круглым с ребёнком, и я не могу думать ни о чём больше.

— Сделай это, — говорю я.

— Ты уверена? — спрашивает он.

— Да, пожалуйста, сделай это.

Эти слова вылетают из моего рта, он издает громоподобный рык и я чувствую его спазм внутри меня. Я чувствую, что его горячая сперма, покрывает меня. Когда он разрядился, мы оба рухнули на постель, тяжело дыша и счастливые.

Глава 4

Диакон

Я не хочу идти работать. Больше нигде не хочу быть, кроме как в кровати с Реми. Меня ужасает то, как быстро я влюбился в неё. Связь между нами всего за последние пару дней превосходит всё то, что у нас было с Карен. С Реми всё намного особеннее. Тот факт, что она позволила мне войти в себя, и взгляд удивления на её лице, когда я сказал ей, что хочу, чтобы она забеременела. Я хочу, чтобы она была беременна моим ребёнком. Я хочу увидеть, как частичка меня растёт внутри неё, доказательство нашей любви.

Я целую её плоский животик ниже пупка, представляя, что она круглая и беременная. Я начинаю снова становиться твёрдым.

— Ты знаешь, что можешь забеременеть от меня? — спрашиваю я.

Она дарит мне дразнящий взгляд.

— О, значит вот, как это работает?

— Всезнайка. Я имел в виду..., что это может произойти и я бы не расстроился.

Она наклоняется и целует меня, самая прекрасная улыбка на её лице. — Я тоже.

Она встаёт. Капля моей спермы стекает по внутренней стороне её ноги. Она подходит к окну и останавливается перед ним, её совершенно голая задница передо мной. У неё невероятное тело. Такая гибкая и дерзкая. Увидев, как она стоит, у меня заболел член.

— Ты смотрел на меня прошлой ночью? — спрашивает она. Она дышит теперь уже на запотевшее стекло, чтобы показать мои отпечатки пальцев, где я прислонялся к окну.

— Ты сделала это специально для меня, чтобы я смотрел, не так ли? — говорю я, шагая позади неё. Я обнимаю её.

— Я надеялась на это, — говорит она, потирая своей задницей о мой твердый член.

Я скользнул членом в её сочную киску. Она ахает.

— Ну, я гладил себя, когда смотрел на тебя.

Держась за её живот, я глубоко насаживаю её на свой член. Её грудь и лицо прижимается к окну. Она кричит моё имя. На тротуаре под нами идёт человек, выгуливающий свою собаку. Если он посмотрит вверх, он получит неплохой шоу. Часть меня надеется, что он поднял глаза и стал свидетелем, как я трахаю эту богиню.

— Я собираюсь снова и снова трахать тебя, — я говорю ей, стуча, пробираясь в её тугое влагалище. — Собираюсь заполнить тебя своей спермой и смотреть, как растёт твой беременный живот.

Опять же, к моему удивлению, она говорит — Да, чёрт возьми, я хочу этого. Я хочу быть беременна твоим ребёнком.

Представляя её обнажённой и беременной, большой опухший живот, меня отпускает, и я взрываюсь в ней ещё одной порцией спермы. Я держу свой член в ней в течение нескольких минут. Её киска до сих пор такая тугая, даже после всего, что у нас было.

Я поворачиваю её ко мне лицом. Её грудь холодная на ощупь от прижатия к окну. Я хочу остаться здесь и греться, но если я не выйду на работу, меня уволят, всё будет намного сложнее в создании новой семьи.

Она идёт к кровати и ложится. Она заворачивает простынь вокруг её талии, оставив прекрасные молочные груди обнажёнными. Я наклоняюсь и целую одну. Я не могу ничего с собой поделать. Они такие идеальные и шелковистые. Она запускает пальцы в мои волосы и выпускает самый сексуальный маленький стон. Я снова завожусь. Но я не хочу, чтобы у неё что — то болело после наших состязаний.

— Это было потрясающе, — говорит она.

Это было лучше, чем потрясающе. Это был секс на совершенно другом уровне. — Да.

Я всё ещё не могу поверить, что она была девственницей. Я должен признать, что быть с кем-то таким чистым и нетронутым — это фантазия любого мужчины, и я не исключение. Думаю, это замашки пещерного человека. Покорить горы. Быть первым человеком, который водрузит свой флаг. Я был первым, кто посадил своё семя, надеясь, что оно будет расти. Она будет моей и только моей навсегда, если всё пойдёт правильно.

Я ворчу. — Мне надо работать, — говорю я нехотя.

— Нет другого времени? — говорит она, свернувшись против меня.

Я издал мучительный смех. — Ты не представляешь, как я искушён, но я не могу. Сэм будет недоволен. Он — это причина, по которой я получил работу в первую очередь.

Она целует мою руку. — Я понимаю. Не нужно заставлять Сэма ненавидеть меня ещё больше.

— Он не ненавидит тебя, — говорю я.

— Да, да.

— Ладно, может быть, немного.

Она смеётся и этот звук, который согревает мою грудь и заставляет меня чувствовать себя полным внутри. Это позволяет мне знать, даже больше, чем я уже знаю, что должно быть между нами. С Реми я снова чувствую себя целым.

Я собираюсь на предельной скорости, чтобы добраться до работы. Я уже опаздываю, но чем позже, тем хуже. Я выхожу из своего пикапа, заправляя рубашку. Я надеялся попасть в здание незамеченным, но я на полпути, когда Сэм выходит. Он видит меня, прежде чем я смог спрятаться за одной из этих машин.

Он делает Б-линию по отношению ко мне, его уложенные гелем волосы остаются жёсткими на месте, несмотря на ветер. — Это уже началось, — говорит он, высыпав на меня, даже сначала не поздоровавшись.

— О чем ты говоришь, Сэм?

Как правило, спор с братом мгновенно испортил бы моё настроение, но после того, что только что произошло между мной и Реми, ничто не сможет это сделать. Даже Сэм и его осуждение и мрачность.

Он говорит — Ты совершаешь те же ошибки, которые ты делал с Карен.

Я открываю рот, чтобы ответить, но Сэм говорит прямо надо мной. — Не делай так, как будто ты не знаешь, о чём я говорю.

Он смотрит на меня сверху вниз, отчаянно качая головой, морщась. По — прежнему высокий и могучий говнюк, которым он всегда был. — Прежде чем пытаться это отрицать, взгляни на себя. Ты только устроился на работу, в которой я помог тебе, и ты уже опаздываешь. Он бросает руки в отчаянии. — И ради бога, застегни молнию.

Я сдерживаю улыбку. Когда я дергаю свою молнию, она издаёт короткий звук скрежета. Теперь я понимаю, что Сэм никогда не изменится. Даже в детстве он пытался

контролировать мою жизнь. Он переживает за всё, всегда больше как мать, нежели брат.

— Реми собирается разрушить твою жизнь, — говорит он. — Это уже началось.

Нет смысла больше отрицать свои чувства к Реми. Я, очевидно, не очень хорошо их прячу.

— Реми не такая, как Карен. Ты не знаешь её. Ты даже не пытался её узнать, — говорю я.

Он смотрит на меня. — Ты тоже до недавнего времени.

Его голос разгорячённый, поднимается достаточно громко, чтобы привлечь внимание к нашему спору. Чем дольше я стою здесь, тем позже я буду на работе и больше проблем с моим боссом. Я на испытательном сроке в течение следующих нескольких месяцев. Хоть опаздывать с Реми было хорошо, я не могу позволить себе потерять эту работу. Даже если это означает, что ты застрял большую часть дня с Сэмом.

— Потихе, — шиплю я. — Не каждый должен знать о нашем разговоре.

— Ну, это правда, — говорит он, на этот раз спокойнее.

Может быть это правда. Я никогда не пытался узнать Реми, когда я жил рядом с ней. Она была тогда всего лишь ребёнком. Это было бы неуместно. Но я знаю, что она не похожа на Карен. Я смотрел, как она растёт. Она была милой рядом. Все соседи говорили, каким хорошим ребёнком она была. Как она привыкла косить газон миссис Холистер, не спрашивая и не ожидая за неё плату. Она сделала это, потому что увидела старую женщину, которой была нужна помощь. Карен никогда бы не сделала ничего подобного. Она не знала, что есть такое слово «милосердие».

Я помню, как однажды мама Реми рассказывала мне, как Реми пыталась найти потрепанных и избитых животных и вернуть их домой, ухаживая за ними. Птицы, опоссумы, и даже ребёнок скунс. Она по — матерински заботливая. Две вещи, которые никогда не были встроены в ДНК Карен. Я видел это с самого начала нашего брака, но я не хотел, чтобы это было правдой, поэтому я проигнорировал знаки. Мои глаза теперь широко открыты, и я вижу какая Реми на самом деле, и она именно то, что я хочу.

Мне не следовало быть с Карен. Я рад, что у меня есть Бейли, но если бы Бейли была бы нашей с Реми было бы намного лучше. Карен была грубоватой, вспыльчивой, и просто не очень хорошим человеком в целом.

— Я знаю её лучше, чем ты думаешь, — говорю я.

Сэм прикасается к моему плечу, но я отталкиваю его. — Мне нужно попасть внутрь, прежде чем меня уволят, — говорю я и прохожу мимо него.

Это изнурительные восемь часов, но, по крайней мере, меня не уволили за опоздание. Казалось, никто не заметил этого. Весь день, единственное, о чём я мог думать, это возвращение к Реми. Что бы ни случилось между нами, я чувствую себя таким настоящим, чем с любыми другими отношениями, которые у меня были раньше.

Я заезжаю в подъездную дорожку и вижу машину, припаркованную спереди, которую я никогда раньше не видел. Я захожу внутрь, Сэм стоит рядом с пожилой женщиной, которую я также никогда не видел.

— Где Бэйли, — спрашиваю я, полагая, что Реми должна быть наверху с ней.

— В своём манеже, — говорит Сэм. Он смотрит на моё лицо, но я не совсем верю. Как будто он что — то скрывает.

Я поднимаюсь наверх в спешке, делая два шага за один, чтобы увидеть свою дочь и

Реми. Но когда я захожу в офис, Реми нет. Просто Бейли, стоит, плачет. Я забираю её и возвращаюсь вниз.

— Что, чёрт возьми, происходит? — спрашиваю я, стараюсь не повышать голос, чтобы не расстроить Бейли ещё больше.

— Где Реми и почему, чёрт возьми, моя дочь одна наверху плачет? Я злюсь, и не очень хорошо справляюсь с тем, чтобы держать себя в покое перед этим незнакомцем. Я знаю, что Реми не оставила бы Бейли в таком состоянии одной. Сэм что — то сделал. Я чувствую это.

— Я отправил Реми домой, — говорит Сэм, поднимая подбородок и уперев плечи. Если бы я не был с моим ребенком и этой старухой, я бы стёр самодовольное выражение с его лица.

— Что значит, ты отправил её домой? — требую я.

— Я не думаю, что ей уместно быть здесь, поэтому прислали няню. Это Делорис.

Я смотрю на незнакомку, моя кровь кипит. У неё суровый рот, никаких следов терпения и нежности, которая нужна для работы с младенцем. Я уверен, что она вполне компетентная, и, без сомнения, няни проходят проверку, но это не то лицо, которое я хочу, чтобы мой ребёнок видел изо дня в день, пока я работаю. Я хочу, чтобы Бейли чувствовала себя в безопасности. У Реми теплая улыбка и нежный голос, который успокаивает. Это лицо я хочу, чтобы мой ребёнок видел каждый день.

— Ты не имел права, — говорю я, голос опустился опасно низко. Я надеюсь, что он слышит угрозу и не так глуп, как кажется.

— Имею на это полное право. Теперь это мой дом, и я говорю, кто будет в нём. И я не хочу видеть здесь Реми, — говорит он вызывающе.

— Ты не можешь говорить мне, кто будет смотреть за моим ребёнком. На этот раз ты пересёк все границы. Я смотрю на Делорис и спросил — Могу ли я попросить Вас задержаться?

Она выглядит смущённо. Так же как и Сэм.

— Я думаю, что могу, — говорит она.

— Спасибо.

Я прижимаю мои губы к щеке Бейли и оставляю след от поцелуев. Она любит этот звук и всегда смеётся. Когда я уверен, что она счастлива и не будет плакать, я отдаю её няне. Когда я подошёл к двери, Сэм закричал — Куда ты идёшь?

Я захлопнул дверь, не ответив.

7* * *

Я держу телефон, набирая номер Реми. Она не берёт трубку. Страх и злость нахлынула на меня. Что, если Сэм сказал что-то, чтобы испортить отношения между мной и Реми. Эта связь является новой и уже полна драматизма. Реми умна и красива и может заполучить любого парня, которого она хочет. Не похоже, что она злоупотребляет этим. Она может думать, что влюблена в меня после стольких лет, но, сколько времени ей понадобится, чтобы увидеть мою сломанную жизнь, и это не то, на что она подписалась?

Я ещё раз набираю номер, и она снова и снова не берёт трубку. Я хочу бросить свой телефон на асфальт и смотреть, как он разбивается.

Я перешёл дорогу. Машина её мамы перед домом, и как только я зайду к ней домой и мама Реми увидит, как я расстроен, она узнает, что что-то происходит между мной и её дочерью. Я сомневаюсь, что она это одобрит. Её дочь только что окончила школу и я на двенадцать лет старше, с ребёнком и бывшей женой. У меня точно не было отличных

отношений с женщинами, но это было раньше, если бы я знал кого-нибудь, как Реми.

Реми, наверное, не хотела, чтобы её мама знала о нас, но я должен её увидеть. Мне нужно знать, что с ней всё в порядке.

Я стучу в дверь. Каждая секунда кажется вечностью. Я собираюсь стучать сильнее, когда она открывается. Реми стоит в дверном проёме в летнем платье без лифчика. Её соски напряжены под ней. Я собираю всё своё самообладание, чтобы не закинуть её на руки и унести прочь со мной. Её длинные светлые волосы каскадом падают на плечи. Кожа вокруг её глаз опухшая и красная, как будто она вытирала их. Она плакала?

— Сэм обидел тебя? — настаиваю я. Она не смотрит на меня. Я поворачиваю её подбородок к себе, чтобы наши глаза встретились. — Скажи мне.

Слеза скатывается по её щеке. Клянусь Богом, внутри меня бык, который хочет вырваться из моей кожи и зайти в соседнюю дверь, чтобы втоптать своего брата в землю. Я должен был знать его лучше, прежде чем жить с ним. Он всегда был и будет помешан на контроле. Но опять же, если бы я не переехал к нему, я бы никогда не связался с Реми. Это позволяет справиться со всем дерьмом Сэма. Тем не менее, я бы с удовольствием ударил парня прямо сейчас.

— Сэм думает, что я собираюсь разрушить твою жизнь, — говорит она самым хрупким голосом, который я когда — либо слышал. Она раскрывает во мне защитные инстинкты, желая защитить то, что принадлежит мне. Я хочу обнять её и убедиться, что никто никогда больше не причинит ей боль.

Она продолжает — Он нанял кого — то, чтобы смотреть за Бейли и сказал мне уйти. Он хочет, чтобы я ушла подальше и подумала о всех причинах, почему ты не для меня. Её подбородок дрожит и слёзы текут из её глаз. — Но я не могу вспомнить ни одной. Я забочусь о тебе и Бейли. Я никогда не сделаю ничего, чтобы навредить вам. Она замолкает, а потом качает головой. — Но, возможно, он прав. Как можно будет работать, когда твой брат так меня ненавидит?

Я беру её за плечи, держа крепко в руках. — Блядь, Сэм, он не имеет значения. Он не знает, чего я хочу или что мне нужно в моей жизни.

Я наклоняюсь, целуя её в губы. Она мнётся, потом отстраняется. — Я не могу. Моя мама наверху.

Я беру её за руку. — Что ты делаешь? — спрашивает она.

— Увидишь.

Я тяну её на задний двор. Рядом с забором есть ряд кустов, которые отделяют наши два дома. Я знаю, что между этими кустами находится небольшая поляна, где она пряталась. Однажды, несколько лет назад, когда я наклонялся, чтобы вымыть шины, пока мыли мою машину, я увидел её там, наблюдавшую за мной. Это был первый раз, когда я заподозрил, что она была влюблена в меня. Я наблюдал за ней всё время, через отражение машины, пока я её мыл. Она не знала, что я её заметил.

Кусты заросли с тех пор, какими они были тогда. Никто не сможет увидеть нас.

— Помнишь, как ты смотрела на меня, пока я мыл свою машину здесь? — говорю я, дразня её.

Она краснеет. — Если ты видел меня, почему ничего не сказал?

— Я не хотел смущать тебя. — Я улыбаюсь. — И мне нравилось такое внимание.

Мы садимся на свободное место между кустами. Небольшая поляна достаточно широкая, чтобы наши тела поместились.

Как только мы спрятались, я её целую. Её руки обвивают мою шею, наши языки как на войне.

Я скольжу руками под её платье, не в состоянии сдерживать себя больше. Её ягодицы одетые в трусики прекрасно вписываются в мои руки. Но я хочу чувствовать её кожу под мной, так что я просунул руки под ткань и делаю массаж. Эти прекрасные груди прижимаются ко мне. Ткань её платья настолько тонкая, что я чувствую её твёрдые соски. Я не могу больше это терпеть. Мне нужна она голой. Одним быстрым движением, я сбрасываю платье через голову. Затем я снимаю её трусики.

Её грудь великолепна. Я кладу одну в рот, пока дразню другую пальцами. Её стоны сводят меня с ума. Я сопротивляюсь животному внутри меня, что хочет раздвинуть её ноги и пробиться внутрь неё. Мне приходится постоянно напоминать себе, что до вчерашнего дня она была девственницей, и её тело возможно не было готово к такому.

Вместо этого не тороплюсь, убедившись, что она чувствует себя хорошо. Я скольжу пальцами между её складок.

— Чёрт, ты такая мокрая, — говорю я.

— Это потому что ты ей нравишься, — говорит она, как будто её киска — это котёнок, с которым я обнимаюсь.

— Мне тоже нравится. Как и моему члену.

Когда она хихикает, её мышцы сгибаются от моих пальцев. Я стону, зная, насколько фантастическим будет это чувство. В своё время, я напоминаю себе. Эти мышцы будут изгибаться ещё сильнее, когда я буду входить в неё.

Я нахожу точку G и начинаю массировать кончиками пальцев, зацепив их, толкая их. Наблюдаю за лицом Реми, когда я делаю это, её глаза широко раскрыты, рот открыт, выпучены глаза, как будто она смотрит на небо. Её влага накапливается внутри, смыкается вокруг моего пальца. Я двигаю их быстрее.

Тихие всхлипы превращаются в громкие крики. Я закрываю её губы, чтобы не услышали те, кто ошивается поблизости. Последнее, что мне нужно, чтобы Сэм бродил вокруг. Вполне возможно, он ходит рядом и ищет меня.

Я отрываюсь от нашего поцелуя, когда её крики утихают. — Чёрт, ты тугая, — говорю я, когда пытаюсь ввести третий палец, но он не совсем уместается.

— Чувствую себя так хорошо, — говорит она, затаив дыхание.

Внезапно её тело становится напряжённым, и оно начинает содрогаться в спазмах. Вот тогда я действительно начинаю колотить своими пальцами в неё. Опять же мой рот зажимает её, когда она начинает кричать. Она превращаются в лужицу у меня на руках, её мышцы ослабели от оргазма. Я уложил её на сарафан. Когда она, наконец, спускается с небес на землю, смотрит на меня, моргая, как будто я только что сделал фокус.

— С возвращением, — говорю я, улыбаясь ей. У неё листья в волосах. Я снимаю их.

Она выглядит сонной, её глаза прикрыты. После противостояния с Сэмом, она, наверное, морально истощена. — Это было невероятно, — говорит она. — Почему, когда я делаю это сама, у меня получается не так шикарно?

Я начинаю представлять её в комнате, в её постели, её пальцы внутри неё, отчаянно растирают, пытаюсь достичь этого короткого момента освобождения. Посмотреть на её лицо, когда, наконец, это происходит.

Мой член так напряжён, как будто он может сейчас взорваться. Тем не менее, я всё равно хочу сделать так, чтобы она чувствовала себя хорошо.

— Я не закончил ещё с тобой, — говорю я, похлопывая её по бедру.

— Не стоит, — говорит она с вялой улыбкой.

— Я хочу тебя на четвереньках.

Её лицо пересекает нервозность. — О, это что — то яркое и... Её щеки розовеют. Краснота спускается ей на шею и грудь. — Я смущена тем, что ты всё видишь.

Я не привык к женщинам, которые смущены чем — то, когда дело доходит до их тела. Наверное, потому что большинство из них использовали его, чтобы получить то, что они хотят. Сверкание голыми задницами были разменной монетой. И это всегда работало. Но Реми не такая. Она не та девушка, которая манипулирует мужчиной, чтобы получить то, чего она хочет.

— Всё в порядке, — говорю я, даря нежные поцелуи её губам, носику, и подбородку. — Ты не должна смущаться передо мной никогда. Я глажу рукой по мягкой коже её плоского живота, представляя, как это будет выглядеть, расти с моим ребенком внутри. — Я хочу видеть каждую частичку тебя, узнать о тебе всё, знать тебя, как облупленную.

Она садится, целует меня глубоко, прежде чем перевернуться на четвереньки.

Мои член напряжён, когда я вижу этот потрясающий новый вид на её красивую бархатную круглую попку и её мокрую блестящую киску.

— Ты прекрасна, — я говорю ей, не желая, чтобы она смутилась от моего молчания.

Я хочу её в рот. Я хочу попробовать её, поэтому я сразу же погружаюсь в неё. Прислонившись к её шелковистой влажной складке языком, посасываю её клитор. Я лижу от клитора до задницы и обратно, убеждаясь, что каждая её частичка получает достаточно внимания.

Она на вкус такая же сладкая, как фрукты и пахнет так же хорошо. Не слишком сильно. Всего лишь намёк на женский мускус.

Когда мои яйца начинают болеть до такой степени, что неудобно, я поднимаюсь. Держась за её бедра, я облегчаю свой путь. Её тоннель похож на теплую влажную руку на моём члене, настолько крепкий и плотный. Это замечательно. Удовлетворённые звуки, которые она издаёт — это музыка для моих ушей. Она достаточно влажная, чтобы я скользнул прямо в неё, и в таком положении, я смогу достичь её стенки.

Она издаёт вздох удивления. Я стараюсь не нажимать слишком сильно, расслабляюсь и выхожу из неё сначала медленно. Я закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться, но это будет сложно. У меня никогда так не сносило крышу. Даже когда я был моложе, но Реми меня так сильно заводит, что очень трудно сдерживать себя.

Я нахожу свой ритм, и она начинает раскачиваться взад и вперед со мной, как будто это танец, который делали миллион раз. Я сжимаю её ягодицы, раздвигая их. Иисус, это один адский вид. Ядвигаюсь быстрее. Её стоны становятся всё громче.

Этот голод внутри меня берёт верх, и я начинает буравить её. — Черт, малышка, ты так хороша. Я собираюсь трахать тебя, пока ты не забеременеешь. Моё семя будет у тебя в лоне. Я беру её за плечи и толкаюсь сильнее. Она закусывает губу, чтобы удержаться от крика и остаться незамеченной от мамы, которая находится прямо внутри дома.

— Да, — требует она. — Я хочу его. Я хочу твоего ребёнка.

Её слов достаточно, чтобы отправить меня за грань. Я ударяюсь в неё ещё два раза, попав в её стены, и моя сперма заполнила её горячий канал.

Когда я закончил, она рухнула на землю, и я прислонился к ней. Воздух холодный, но после всего этого, никто из нас не замёрз.

Я обнимаю её за талию, потирая её живот и целуя её плечо. — Знаешь, я хочу заботиться о тебе, — говорю я.

Она переворачивается ко мне лицом. — Я надеюсь. Я не хочу быть просто удобной.

Я прижимаю большой палец к её щеке, загипнотизированный этим милым лицом. — Никогда. Я... Я думаю, что я влюбился в тебя.

— Ты наконец — то понял. Её улыбка показывает все идеальные белые зубы. — Я влюбилась в тебя давно.

Я поднимаюсь и почёсываю затылок

— Ну, так мы стали парочкой?

— Я думаю, что да.

Наступает облегчение.

Наконец — то я могу назвать её своей.

Я начинаю целовать её и прижимаю обнажённое тело к себе. Я никогда не отпущу её.

Глава 5

Реми

Два месяца спустя

Сэм по-прежнему всё это время остаётся задницей. Я думала, что он привыкнет к нашим отношениям с Диаконом. Он изменил свой график работы, теперь он и Дьякон работают в одну и ту же смену; таким образом, он дома, а у нас с Диаконом нет времени, чтобы проводить друг с другом время в доме. Если мы с Диаконом хотим провести время вместе, то мы должны уйти. Это конечно не обязательно, но было бы приятно время от времени сидеть на диване с любимым человеком и его ребёнком, которого я обожаю, и просто смотреть телевизор без раздражающего голоса Сэма в ушах. Я хочу заснуть в объятиях Дьякона без пробуждения Сэма, который говорит мне, что я не смогу остаться на ночь. Это похоже на постоянное присутствие родителей.

Я просыпаюсь рано. Я не чувствую себя хорошо. Это был беспокойный ночной сон, если это можно назвать сном. В основном просто много бросков и поворотов. У меня озноб и независимо от того, сколько одеял я обёртываю вокруг себя, не могу согреться. Лучи солнца пронизываются сквозь пространство между шторами. Эта головная боль не исчезает, и я чувствую, что из-за этих мучений постоянно зеваю. Это действительно раздражает.

Всю ночь меня тошнило. Я не думаю, что это проблемы с желудком, потому что сразу после того, как меня стошнит, я голодна. Обычно, если проблемы с желудком, то тошнит о мыслях о еде. Может быть, это пищевое отравление — в последнее время я ела некоторые сомнительные продукты. Это странно, потому что всю свою жизнь я ненавидела оливки. Только сумасшедшие люди едят такие гадости, и всё же теперь, хоть запах всё ещё важен я, похоже, не могу их достать.

Ароматы тоже запутанные. Скажем, например, запах торта, который большинство людей любят, стал совершенно омерзительным. Настолько, что я предпочла бы потратить своё время в Коачелле, чем в пекарне. Обычно клубничный шампунь моей мамы — приятный запах, но теперь я должна сдерживать своё дыхание, когда прохожу мимо неё. Как будто у меня внезапно появился нос ищейки.

Запах бекона чувствуется из кухни. Жирный запах мгновенно переворачивает мой желудок. Вскочив с матраса, я встаю с постели и путешествую по какой-то одежде на полу, сбивая в спешке всё с моего комода в ванной. Отлично. Больше новых ароматов, чтобы сделать мою голову плавающей. Я едва успеваю добраться до ванной вовремя

— Ты в порядке, Реми? — моя мама зовёт снизу, когда слышит весь этот шум, который я создаю.

Меня тошнит снова и снова. Мой желудок должен быть размером с бочонок, чтобы такое случалось. Я задыхаюсь, пытаюсь отдышаться. Мне нужна минута, чтобы ответить.

— Да, я в порядке, — говорю я, хотя чувствую противоположность своему ответу. Я выгляжу плохо. Вижу своё отражение в открытом компактном зеркале на столешнице. Моя кожа бледная, тёмные круги вокруг глаз, которые почти выглядят зелёными.

Я стою, прислонившись к прохладному фарфору, обнимая унитаз, когда моя мама заходит в комнату, чтобы проверить меня. Она откидывается спиной к двери, скрестив руки на груди.

— Что? — Говорю я, когда вижу, как мама наблюдательно смотрит.

— Ты беременна.

Мой желудок сжимается и снова меня вырвало. Я плюю в унитаз и стону.

— Что? Нет, — говорю я, вытирая рот туалетной бумагой.

Какого чёрта мне так холодно, и слишком жарко одновременно?

В моей голове я пытаюсь вспомнить мой последний срок. Это трудно, потому что я не из тех девушек, которые следят. Я никогда не нуждалась в этом раньше, поэтому я не привыкла к этому. Теперь, когда я думаю об этом, я понимаю, что прошло какое-то время с тех пор, как я в последний раз покупала женскую гигиеническую продукцию.

— Боже мой, — говорю я. По какой-то причине, хотя я знаю, что это физически возможно, я подумала, чтобы забеременеть потребуется больше времени. Это не удивительно. Диакон и я трахаемся, как сумасшедшие, всякий раз, когда мы получаем шанс — он всегда приходит ко мне. Иногда наш секс имеет одну цель — мою беременность. Его возбуждает мысль о том, что я ношу его ребёнка, что я буду ходить с большим животом, который будет доказательством нашей любви.

— Пошли, — моя мама говорит со вздохом.

— Куда мы идем? — Сейчас мне не хочется никуда идти. Я просто хочу вернуться обратно в постель и спрятаться под простыней, пока эта ужасная тошнота не исчезнет. Если это когда-нибудь произойдет.

— В аптеке купим тест на беременность.

Переодевшись, мы спускаемся вниз. Я должна держать свою рубашку на носу, чтобы избежать запахов еды. Мы садимся в машину. Диакон и Сэм стоят снаружи на крыльце, спорят о чём-то. Они смотрят на нас, когда мы проезжаем мимо. Сэм вылупился на меня.

— Мне не нравится этот парень, Сэм, — говорит моя мама, откидываясь назад.

— Никто не идеален.

Я хочу повернуться со своего места и взглянуть на Диакона. Если бы он только знал, куда мы едем. Наверное, я могла бы написать ему. Но я не хочу говорить что-то, пока не буду уверена.

Дорога слишком неровная. Я начинаю думать, что моя мама намеренно находит все колдобины. Она включает радио. Это похоже на то, что она пытается пытать меня или что-то в этом роде. Может, она злится из-за предполагаемой беременности. Между нами возникает неловкая пауза. Как будто я слышу, как крутятся шестеренки в её голове. Я хочу кое-что сказать, но не знаю что.

Это очень сложная тема. У неё всегда в голове были образы великих вещей, которые она сделала бы за свою жизнь, хотя всё, что я хотела когда-либо действительно в своей жизни —

иметь семью. Когда она была моего возраста, то она хотела путешествовать по миру, жить за границей. Изучать другие культуры и видеть удивительные вещи. У неё никогда не было этой возможности, потому что она встретила моего отца и случайно забеременела. Её семья была религиозной, поэтому о прекращении беременности не было и речи. Её мама угрожала отречься от неё, если она решится отдать меня на удочерение. Я рада, что она этого не сделала, и я знаю, что она тоже этому обрадовалась. Но в её жизни всегда была эта пустота, стремление избежать её. Она хочет, чтобы у меня было всё то, что она никогда не испытала в своей жизни. Кажется, она не может понять, почему я не хочу этого для себя.

Я разобью окно. Здесь слишком душно, мы дышим одним и тем же воздухом.

— Я ненавижу эту песню, — говорит она и выключает радио, оставляя нас в неловкой тишине.

Её рука напряжена на руле, рот сжат.

— Кто отец? — Выпаливает она.

Я просунула голову в окно. Последнее, что я хочу сказать ей это, кто отец. Это не займет много времени, чтобы понять, что у меня нет друзей и единственное место, где я хочу быть.

— Это Диакон? — Она, наконец, спрашивает.

Слишком поздно, чтобы отрицать это. Рано или поздно она узнает. Я просто хотела, чтобы он был первым.

Я киваю.

— Иисус, Реми. Ты должна была следить за его ребёнком. А не создавать ещё одного.

— Я знаю, — говорю я. — Прости. — Но на самом деле я не сожалею. Я знала, во что ввязываюсь, когда мы с Диаконем не предохранялись, и он тоже знал. Это не несчастный случай, как когда-то моя мама забеременела мной. Я хочу этого. Так же как и Диакон. По крайней мере, я надеюсь на это. Слишком поздно сейчас отступить.

Она продолжает:

— Я боялась, что твоя детская влюблённость вернётся. Я надеялась, что эти чувства исчезнут с течением времени.

— Как ты узнала о моих чувствах к Диакону? — Спрашиваю я.

— Ты не очень хорошо скрывала, всегда выходя на улицу, наблюдая за ним, — не то, чтобы ты чем-то отличалась от других женщин в округе. Это был счастливый день для мужей, когда Диакон уехал из города.

Чёрт. Это мерзко. Моя мама была влюблена в мужчину, который сейчас потенциально является отцом моего ребёнка.

Я не знаю, сколько ещё я смогу это терпеть. Мой желудок свело судорогой. Не только из-за утренней тошноты, моей мамы и суждениях Сэма, но и потому что мне нужно рассказать Диакону.

— Ты злишься? — Спрашиваю. Я ненавижу, когда моя мама разочарована во мне.

— Нет. Я просто не хочу, чтобы ты в конечном итоге стала матерью одиночкой вроде меня. Трудно растить ребёнка самостоятельно и в столь юном возрасте.

— Диакон не такой, как папа. Он будет помогать мне воспитывать этого ребёнка.

В этом я уверена. Он замечательный отец. Бейли его гордость и радость. О боже, если я беременна, Бейли и этот ребёнок будут братьями или сёстрами. Эта мысль делает меня счастливой, хотя я знаю, что не стоит обнадеживаться. Может быть сто причин симптомов беременности. Стресс является одним из них, и я определённо пережила многое за

последнее время.

— Как ты можешь быть так уверена, что он поможет? — Моя мама спрашивает. — У него уже есть ребёнок, о котором нужно позаботиться.

Я смотрю на мои руки, сплетая пальцы.

— Подожди, — говорит она. — Вы, ребята, знали, что это может случиться? Вы не были осторожны?

Боль в её голосе заставляет меня чувствовать ужасно виноватой.

— Я взрослая, мама. Независимо от того, что я и Диакон решаем, это не касается никого, кроме нас.

Она издаёт глубокий вздох.

— Я знаю. Прости. Я просто хочу знать, что о тебе и о твоём ребёнке будут заботиться.

— Будут, мам. Диакон отличный парень. Ты полюбишь его, когда узнаешь его получше.

— Я доверяю тебе. Просто мне может понадобится некоторое время, чтобы доверять ему.

Мы зашли в аптеку. У меня возникло внезапное желание схватить горстки кислых конфет. Она покупает три разных тестов, чтобы убедиться, что результаты надежны. Я думаю, она больше волнуется об этом, чем я. Как только мы дома, она протягивает мне тесты, и я иду в туалет. Использую их все сразу и жду.

Через пять минут результаты готовы, но я боюсь посмотреть. Я хочу этого с Диаконом. Но я действительно не хочу, чтобы моя мама злилась на меня. Я просто хочу, чтобы все были такими же счастливыми, как я.

Сделав глубокий вдох, я поднимаю все три палочки и смотрю на них одновременно. Мои мышцы напряжены, шея и плечи болят. Я смотрю на тесты в недоумении. Две розовые линии на одном, со знаком плюс на второй, и сформулированный «беременна» на третьем. Теперь сомнений не осталось. Я беременна. Я едва могу дышать. Похоже, кто-то сидит на моей груди. Я в ужасе и всё же никогда не хотела ничего больше в своей жизни. Вдруг мне стало интересно, как будет выглядеть ребёнок, сделанный мной и Диаконом. Красивый. Как Диакон. Как Бейли. Светлые волосы, зелёные глаза. Ямочка на его или её подбородке, как у меня, может быть, или с высокими скулами, как у отца.

Будет ли это мальчик или девочка? Как мы назовём ребёнка? Все эти мысли сразу крутятся в моей голове, пока я не чувствую, что могут исчезнуть.

Теперь скажу маме...

Она ждет за дверью ванной комнаты. Выдирает брови, что всегда делает, когда нервничает. Она видит меня, и глаза её широко открыты.

— Ну? — Говорит она.

Я держу палочки и залилась счастливыми слезами.

— У меня будет ребёнок!

Она начинает тоже плакать.

— Боже мой, — говорит она. Но вместо того чтобы ругаться или говорить то, что может разбить моё сердце, она улыбается и говорит. — Я стану бабушкой.

Мы обнимаемся, плача.

— Как ты собираешься рассказать Диакону?

Я вытираю тушь, которая размазалась по моим щекам.

— Он будет очень счастлив, мама. Я обещаю. Тебе не о чем беспокоиться.

Она улыбается, её глаза красные и слезятся.

— Я доверяю тебе. Я знаю, что ты умная девочка и никуда не спешишь, если не будешь абсолютно уверена в том, что делаешь.

— Спасибо мама, — говорю я и снова обнимаю её.

Теперь надо рассказать Диакону.

Я скручиваю руки. Они потеют. Диакон будет счастлив. Я знаю это. Но я всё ещё боюсь. Я не хочу быть ответственной за разрушение отношений между Диаконем и Сэмом.

Но он должен знать. И в ближайшее время. Это не то что я могу скрывать от него.

Я иду и звоню в звонок. Сэм отвечает. Он закатывает глаза, когда видит меня, но отходит в сторону, чтобы впустить меня. Есть ящики, сложенные по всей гостиной. Бейли в своём манеже рядом с диваном.

— Что происходит? — спрашиваю я, сквозь меня проходит чувство страха.

Кто-то, очевидно, собирает свои вещи, и я сомневаюсь, что это Сэм.

Диакон спускается по лестнице. Он выглядит безумным, пока не замечает меня. Его лицо смягчается в нежной улыбке.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он таким образом, чтобы я знала, что он доволен неожиданностью.

— Мне нужно поговорить с тобой. — Я машу руками, указывая на все коробки. — Что это?

— Я нашёл своё жильё, — говорит он.

Я даже не знала, что он ищет. Если у него есть своя квартира, это значит, что мы сможем проводить столько времени вместе, сколько мы хотим, создавать столько шума, сколько хотим во время занятия сексом. Чёрт, мы можем ходить голым, если нам это нравится. Никто не будет судить нас или рассказывать нам, что мы можем или чего не можем делать.

— Это всё твоя вина, — говорит Сэм, глядя на меня.

— Как это моя вина? Я даже не знаю, что происходит, — говорю я.

— Сэм просто мудака, — Диакон говорит, бросая спортивную сумку на стопку чемоданов, сложенных у двери.

— Мы не начинали спорить, пока она не пришла в квартиру, — говорит Сэм.

Диакон огрызается.

— Мы бы не начали драться, если бы ты не лез не в своё дело. То, что я делаю в своей жизни, не имеет к тебе никакого отношения. Ты урод.

— Нет. Меня волнует, что происходит с моим братом.

Диакон качает головой.

— Если бы ты заботился о том, что лучше для меня, то увидел бы, что я был счастлив впервые за долгое время, а Реми это то, что лучше для меня.

— Ты ошибаешься обо мне, Сэм, — я говорю, не в силах больше молчать. — Я люблю Диакона. Я никогда не сделаю ничего, чтобы причинить ему боль или нашим детям.

Они оба обернулись на меня, брови нахмурили одинаково. Это первый раз, когда я когда-либо видела какое-то семейное сходство между ними.

— Дети? — Диакон говорит. — Больше, чем один?

Я защищаю свой живот, когда вижу сердитый взгляд Сэма.

— Я узнала об этом сегодня утром, — говорю я.

— Ты уверена? — отвечает Диакон.

Сэм открывает свой большой рот и говорит:

— Видишь, я говорил тебе, что у неё проблемы. Она пошла и сама залетела, так что ты вынужден остаться с ней. Теперь ты в ловушке, мужик. — У него этот самодовольный взгляд на лице, как будто он ждёт, когда его брат будет протирать своё дерьмо, но вместо этого улыбка Диякона растягивается на его лице и он подхватывает меня в объятия, его смех заполняет дом. Бейли отвечает счастливым визгом.

— У нас будет ребёнок? — Говорит он. Слезы наполнили его глаза.

Видя его слезы, у меня проскальзывают собственные. Я киваю головой, не в состоянии расслышать слова.

Он поворачивается к Сэму. Разъярённый, испорченный Диякон был заменён весельчаком. Кто-то, кто собирается взорваться от счастья.

— Тебе стоит лучше вести себя на нашей свадьбе, брат, — Диякон говорит.

— Свадьба? — Говорит Сэм.

Свадьба? Я думаю. Он даже официально не предложил, но это, тем не менее, волнительно.

— Можешь взять Бейли, пока я не закончу грузить чемоданы в грузовик? — Говорит мне Диякон.

— Конечно. — Бейли держит свои руки, когда видит, что я иду к ней. Я поднимаю её и сажаю на бедро.

Когда Диякон уходит, я застряла наедине с Сэмом. Комнату заполняет неловкое молчание настолько густое, что его можно резать ножом.

Я не могу это больше терпеть.

— Я хотела бы, чтобы ты дал мне шанс, прежде чем начнёшь сравнивать меня с бывшей Диякона. Это не справедливо. Я очень хочу, чтобы мой ребёнок знал своего дядю. Я хочу, чтобы мы были счастливой семьей.

Он смотрит на меня так долго, как будто его лицо застыло таким образом. Когда я собираюсь спросить, кто-то выключил свет в его голове, он смотрит вниз на ковер.

— Что ты имеешь в виду? Потому что с самого начала Карен всегда старалась встать между мной и моим братом. Когда я купил этот дом у Диякона, она пыталась заставить его продать мне за гораздо больше, чем они заплатили за него. Она была змеей. Я всегда хотел иметь хорошие отношения с моим братом. Когда он переехал ко мне, я думал, что я буду жить с ним. До сих пор...

— Я никогда не попытаюсь встать между братьями. Я единственный ребёнок в семье. Я всегда хотела братьев и сестёр. Карен была ужасным человеком, но я не она.

Он вздыхает.

— Я тоже этого хочу.

Диякон вернулся в дом.

— Ты готова? — спрашивает он меня.

— Одну секунду, — говорит Сэм.

— Нет, я не собираюсь сидеть здесь и слушать, как ты ругаешь мать моего...

Вместо того, чтобы позволить Диякону закончить то, что он собирался сказать, Сэм подходит к Диякону и обнимает его. Когда Сэм отступает, Диякон выглядит так, как будто Сэм ударил его.

— Что...

— Я рад за тебя, — говорит Сэм. Он смотрит на меня. — За вас обоих. Если вам нужны

помощь при переезде на новом месте, то дайте мне знать.

Брови Диакона снова похожи на Сэма.

— Хмм, на самом деле, я мог бы воспользоваться помощью.

— Я помогу, — говорю я.

— Ни в коем случае, — говорит Сэм. — Ты не пошевелишь и пальцем. Пока не родите мне племянника или племянницу.

Диакон смотрит на меня в шоке и качает головой. -

Спасибо, брат, — говорит он.

Когда мы садимся в грузовик, Диакон качает головой.

— Ты какая-то волшебница или это что-то ещё? — спрашивает он.

— Что ты имеешь в виду?

— Или, может быть, хирург.

Я смеюсь.

— О чём ты вообще говоришь?

Он заезжает в красивое старое окружение, выровненное плакучими ивами. Это тот район, в котором можно будет чувствовать себя безопасным. Много тротуаров для детей, чтобы бегать и играть. Прогуляться вместе с парой младенцев. На углу есть небольшой парк и велосипедная дорожка. Я всегда мечтала жить в таком районе.

— Как ты вытатила эту дерьмовую палочку Сэма, когда я пытался всю свою жизнь? — Диакон говорит.

Я улыбаюсь.

— Сэм хороший парень. Он просто хочет хорошие отношения с братом, и я сказала ему, что он это получит.

— Ты действительно самая лучшая.

Он останавливает грузовик на подъездной дороге большого дома, окрашенный в светло-серый цвет с более тёмно-серой отделкой и красной дверью.

— Вау, это он? — Говорю я волнуясь. Это красивый дом с ухоженным газоном, огромный цветочный сад, высокий дуб с качелями перед домом и фруктовыми деревьями на обочине рядом с подъездной дорожкой. Я представляю нас, сидящих на веранде с холодным чаем летом, наблюдая за тем, как Бейли играет во дворе, пока я буду кормить новорождённого. Это моя мечта.

— Это оно. Я думаю, тебе понравится, — Диакон говорит.

— Красиво, — говорю я, — неважно, что я думаю. Это твой дом.

Он странно на меня смотрит.

— Это наш дом. Ты переезжаешь ко мне.

Не знаю почему это меня шокирует. Конечно, мы будем жить вместе, я просто не знала, что всё будет так быстро. Оставив мою маму в одиночестве в большом доме грустно, но в то же время я готова создать свою собственную семью, иметь свой дом, и делать свои собственные воспоминания. Я думаю, что причина, по которой у неё никогда не было мужчин, была потому, что она боялась, что они вторгнутся в нашу маленькую семью. Но теперь, когда меня нет, она может начать развлекаться. Ей не придется больше беспокоиться обо мне. Может быть, в конце концов, это лучше для нас обеих.

— Мне нравится — говорю я.

Он протягивает мне ключ с кольцом для ключей с надписью «её». Он поднимает свой

брелок, который говорит «его». Я бросаюсь в его объятия. Это наш дом. Наш прекрасный, идеальный дом.

Это займёт пару недель, прежде чем мы окончательно поселимся в новом доме. Я хотела дать моей маме некоторое время, чтобы приспособиться, прежде чем уеду. Теперь, когда она привыкла к мысли о том, что я ушла, и поощряет её, я очень рада начать жить с Диаконом и Бейли.

За последнюю неделю мы уже покрасили детскую. Мы покрасили её в мятный нейтральный цвет, так как мы ещё не знаем, будет ли наш ребёнок мальчиком или девочкой. Мы ещё не решили, хотим ли знать пол ребёнка до родов. Я всегда думала, что это забавно, когда люди не знают. Самый большой сюрприз в жизни. Кроме того, я не знаю, как долго буду держаться до конца. Я уже хожу по магазинам за симпатичными детскими вещами в нейтральных тонах.

Это моя первая ночь в новом доме. После всех трудов, которые мы сделали, это похоже на награду. Моя мама вызвалась оставить Бейли на ночь, так что мы с Диаконом могли бы провести некоторое время вместе. Как только этот ребенок родится, и я буду кормить грудью, невозможно будет оставить время только для нас.

Оставив Бейли, мы заходим внутрь дома. Он всё еще пахнет свежей краской.

— Здесь так тихо, — Диакон говорит. Он подходит ко мне, трётся о мой живот. Это своего рода новая навязчивая идея, всегда прикасаться к нему, растирая его, как хрустальный шар, который может показать его будущее. Его руки скользят вверх и вниз по моей чувствительной груди.

— Мы должны заполнить его криками удовольствия? — Говорит он.

Я закрываю глаза и прислоняюсь к нему, удивляясь чувствам прикосновения.

— Я думала, ты никогда не спросишь.

Сейчас всё что касается моего тела очень чувствительно. На самом деле, на днях, он подарил мне оргазм, просто дыша на мой клитор. Это было невероятно. Я слышала, что это может произойти во время беременности, и я также слышала, что есть промежуток времени, когда я не чувствую что меня трогают. Так что прямо сейчас, пока моё тело чувствует, я собираюсь наслаждаться этим, пока могу.

Я поднимаю свои руки, чтобы он смог снять моё платье. Стало прохладнее, у меня на ногах сапоги. Их трудно снимать, поэтому это я делаю сама. Мы оба слишком заняты, чтобы беспокоиться о церемонии медленного стриптиза. Мы просто хотим видеть друг друга обнажёнными.

Он уже возбуждён. Не было ещё времени, когда он не говорил о сексе. Я всегда слышала, что мужчины в возрасте тридцати лет нуждаются в небольшой поддержке там время от времени, но не Диакон. Он жеребец и всегда готов к работе.

Я встаю на колени на полу перед ним, взяв его огромный член в руку и посасывая головку в рот. Мне нравится его вкус. Иногда я даже жажду вкус спермы, и я сосу его с каждым разом всё тщательнее.

Его член еле помещается в рот. Хорошо, что у меня большой рот, и умею дышать через нос.

— Посмотри на меня, малыш, — он говорит, держа мою голову. Он любит, когда я смотрю ему в глаза, пока он трахает мой рот. Глаза закрываются, слёзы текут по моим щекам, когда мой рот старается вместить его массу.

Чем быстрее он вбивался, тем больше я разрывалась. Слюни выплескиваются из уголков моего рта. Невозможно использовать мышцы глотки, чтобы проглотить.

Он внезапно прерывается и я вытираю мокрое лицо тыльной стороной руки. Затем он поднимает меня за подмышки и тянет меня на ноги.

— На четвереньки, — говорит он. Так требовательно, не так, как он себя ведёт по отношению ко мне в нашей обычной жизни. Мне нравится, как он берёт на себя ответственность, сдерживая авторитет.

Я не спрашиваю его, когда он требует что-то от меня во время секса, потому что я поняла, что мне нравится всё. Некоторые вещи больше, чем другие, но не было ничего того, что он сделал, что не дало мне лучший оргазм в моей жизни.

Когда я на четвереньках, он стоит позади меня, поднимая мой зад в воздух, пока я стою на руках в вертикальном положении 69. Я не могу достать его член от этого угла с моего рта, но он имеет идеальный доступ к моей киске. Мои ноги в воздухе разведены. Я гибкая и могу сесть на шпагат, поэтому всё это не проблема. Он издаёт сексуальные звуки. Глубокие, мужественные звуки одобрения, когда он видит мою открытую киску.

Он держит мою талию, прячет лицо в мою мокрую киску, не оставляя ни одной моей кожи неизведанной.

Кровь приливает к моей голове, как он зарывается в мои влажные глубины своим языком, выпивая из моего колодца. Когда он сосет мой клитор, это не просто сосание, а комбинация сжимания, сосания и кусания. Это какой-то секретный рецепт действия губ, который, если бы поделиться им с остальным человечеством, вероятнее всего, может изменить мир в лучшее место.

Мои руки становятся слабыми. Он замечает и отпускает, так что я способна сделать нечто похожее на кувырок назад в положении стоя. Когда кровь покидает мою голову, у меня головокружение и чувство эйфории. Он поднимает меня на руки, выполняя всю работу, когда видит, как я начинаю шататься. Мне нравится, что он так хорошо знает моё тело.

Я оборачиваю ноги вокруг его талии, как в моих подростковых фантазиях о том, как он уносит меня, и мы идём в спальню. Он укладывает меня на кровать и поворачивает меня на бок. Он входит в меня под углом. Двери шкафа нашей комнаты зеркальные, так что я смогла увидеть то, что происходит. Если бы его воля, то у нас бы были зеркала и на потолке. Не могу сказать, что я была бы жутко против этой идеи, но вы знаете, что дети в доме регулярно ходят, это, вероятно, не было бы хорошей идеей. У Сэма был бы сердечный приступ, если бы он когда-либо увидел что-то подобное. Он такой ханжа.

По крайней мере, если кто-то решит приехать и зайти в нашу комнату, двери шкафа могут быть объяснены с суетой. Надежный сундук секс-игрушек, который мы уже начали приобретать, вероятно, нуждается в более подробном объяснении, если

кто-нибудь заглянет внутрь. На всякий случай мы держим его на замке.

Диакон наблюдает за моей киской из зеркала, как будто смотрит порно. Эту часть себя я не привыкла видеть. Не хочу хвастаться, но у меня действительно симпатичная киска. Благодаря его идеальному члену это прекрасный вид, как он растягивает меня. Я действительно начала замечать, насколько большой у Диакона член. Всякий раз, когда он полностью внутри меня, а затем я медленно поднимаюсь, кажется, что его член никогда не заканчивается.

Пока он входит в меня, я поднимаю ногу для лучшего обзора.

Диакон улыбается и говорит мне на ухо, его голос прерывается и запыхается от усилий.

— Тебе нравится смотреть на эту сексуальную киску, не так ли? — Говорит он.

— Мне нравится смотреть, как ты трахаешь её.

Он выпускает длинный желаемый стон.

— Я люблю, когда ты говоришь грязно этим милым маленьким ртом.

Я хихикаю и скручиваюсь, чтобы поцеловать его.

Он выходит из меня, и я вдруг почувствовала пустоту внутри. Он переворачивается на спину.

— Скачи на мне, — говорит он.

Я забираюсь на него сверху и опускаюсь, чувствуя, что давление головки его члена плотно прижимает мою шейку. Затем я начинаю подпрыгивать. Я скачу на нём. Наша кожа соединяется, мои стоны, пьянящий аромат нашей любви наполняет комнату и моя голова плавает от удовольствия. О Боже, беременность — это потрясающе. Все эти гормоны бушуют во мне, эти новые ощущения я никогда не чувствовала раньше.

Я почти там. Так близко. Я закидываю голову назад. Диакон схватил меня за бёдра, влезая в меня с силой. Почти. О Боже. О, да. Так близко. Я чувствую оргазм, приближающийся ко мне. Ещё одна секунда и...

Кто-то стучит в дверь и моя концентрация колеблется. Я перестаю двигаться, чтобы услышать.

— Нет, продолжай, — Диакон говорит, все ещё врываясь в меня. — Они вернутся позже.

Он прав. Я продолжаю двигаться, вращая тазом, снова пытаюсь найти это волшебное место. Мы снова находим наш ритм. Диакон поднимается, беря мои набухшие груди в руки и щёлкая мои чувствительные соски так, как мне нравится.

— Твой член такой большой, он наполняет меня, — говорю я. Я люблю это чувство. Наполнена до предела. Вся.

Всякий раз, когда я говорю грязные вещи с ним, он каждый раз заводится. Он движется быстрее.

Стук снова появляется. Несколько раз. Я остановлюсь снова.

Диакон издаёт стон разочарования.

— Что, если речь идёт о Бейли, — я говорю.

— Твоя мама сначала бы позвонила, — Диакон говорит.

Это правда. Мой телефон на тумбочке, полностью заряжен. Я наклоняюсь, чтобы схватить его. Никаких пропущенных звонков или смс.

Тот, кто ломится в дверь, отказывается сдаваться. Сначала я думаю, может это доставка, или продавец, но они бы уже ушли. Это действительно раздражает.

— Может быть, окрестности горят и это эвакуация, — говорю я. Всякая плохая вещь, которую можно вообразить проникает в мой разум и я не могу игнорировать его больше.

— Возможно, это просто Сэм пришёл, чтобы проверить и посмотреть, подходят ли наши шторы к дивану, — Диакон дразнит.

— Никогда не упоминай своего брата, когда мы занимаемся сексом, — я говорю. — Я не думала, что ты мог бы сделать что-то, чтобы оттолкнуть меня, но ты только что нашёл одну вещь.

Он смеётся и шлёпает меня по заднице.

— Пожалуйста, мне нужно проверить, — говорю я. — Я не могу сосредоточиться на нас, пока я не сделаю этого.

Диакон вздыхает.

— Всё в порядке. Я пойду проверю.

— Нет, — говорю я, поднимаясь с него и оборачивая халат вокруг меня. Оставайся здесь и держи эту штуку крепко, когда я вернусь.

Он улыбается мне и берёт его огромный член, поглаживая его.

Я подмигиваю ему и улыбаюсь.

— Хороший мальчик.

Я завязываю пояс в узел. Я бегу в гостиную. Когда я открываю дверь, я не знаю, чего ожидать, но это определено не тот человек, которого я ожидаю видеть.

Сначала женщина ничего не говорит мне, просто изучает меня, глядя вверх и вниз от моих спутанных волос до босых ног. Она немного старше меня. Около тридцати. Ближе к возрасту Диакона. У неё обесцвеченные волосы с длинными тёмными корнями. Не то, что сейчас модно. На ней надета большая толстовка с капюшоном и джинсы с сапогами, и слишком много макияжа. Её тонкие и суровые губы делают её ещё суровее.

— Я могу помочь вам? — Я спрашиваю.

— Где Диакон? — Говорит она грубо.

Я слышу шаги позади меня. Я поворачиваюсь. Диакон стоит рядом только в тренировочных штанах.

— Кто это? — спрашивает он.

Я открываю дверь шире, чтобы он смог увидеть. Его рот распаивается от удивления, затем закрывается, его брови сердиты.

— Какого чёрта ты здесь делаешь, Карен?

Карен? Эта женщина — его бывшая жена? Я помню, что она была красивее, чем сейчас. Я так завидовала ей. Она не страшная, просто... суровая. Как будто кто-то царапает жизнь кожей её зубов. Диакон говорит, что она много пьёт и тусовщица. Интересно, она употребляет наркотики, потому что это то, что я вижу.

Глава 6

Диакон

Я не видел свою бывшую после того, как она ушла от меня, и нашего ребёнка почти шесть месяцев назад. Ни телефонных звонков. Ни текстов. Однажды ночью она выпотрошила оба наших банковских счёта, собрала все свои вещи, и некоторые из моих, и исчезла с запиской, в которой просто было «Я так больше не могу».

Вот она здесь.

В моём новом доме, где я строю новую жизнь. Та, которая должна быть без Карен.

Она выглядит намного старше, чем в последний раз, когда я её видел. Её кожа тонкая, как пергамент, волосы сухие словно солома. Все эти вечеринки доконали её. Не то что она была потрясающей с самого начала. Это была не её внешность, которая привлекла меня к ней, это была её уверенность. Она подошла прямо ко мне и сказала: «Ты везёшь меня на свидание».

В тот день я почти ничего не говорил. Я давно не был на свидании и подумал, какого чёрта. Меня никогда так откровенно не привлекали женщины. Я думал, что это будет приятное отличие от девушек, которых я обычно встречал. Я быстро понял, что другая не значит лучше. Честно говоря, я не знаю, о чём я думал. Глядя на неё сейчас, я не могу вспомнить ни одной вещи, которая привлекла меня к ней.

— Как ты меня нашла? — Требую я.

Реми начинает пятиться от двери. Она не подписывалась на это. Я не виню её за то, что не хочет быть частью моей драмы. Карен это не тот тип женщин, которые были такими же милыми и невинными, как Реми. Карен из тех, кто будет улыбаться в лицо и как только потеряют бдительность, рванёт её обратно за волосы. На самом деле я видел её однажды такой, когда она была пьяна в клубе. Она сделала это с одной из девушек, которые по её мнению, посмотрели на меня неправильно. Нас выгнали и запретили появляться в том клубе.

Она всегда сходила с ума от ревности. Это не было похоже на то, что она действительно заботится обо мне. Но она точно не собиралась позволять кому-то пофлиртовать со мной.

— Сэм дал мне адрес, — говорит Карен.

Реми смотрит в полном шоке. Она, наверное, думает, что Сэм предал её после того, как они стали так близки. Но я знаю, что это не так.

— Бред. Сэм никогда бы не сделал этого, — говорю я. Я знаю, что Сэм ненавидит её больше, чем кто-либо другой. Она ужасно к нему относилась с первого дня.

Она самодовольно улыбается.

— Я притворилась страховщиком по телефону, и он пролил все ваши личные данные мне. Кто-то должен сказать этому парню, что у него большой рот.

Я планирую дать ему нагоняй в следующий раз, когда мы поговорим.

Это имеет смысл. Карен и её схемы. Некоторые вещи никогда не меняются. Я бы очень хотела захлопнуть дверь перед её лицом прямо сейчас и вернуться, чтобы заняться любовью с моей прекрасной девушкой, которая не заслуживает того, чтобы пройти через всё это. Я могу сказать, что Реми не хочет оставаться здесь, но она держится, потому что хочет быть здесь для меня. Я не хочу больше заставлять её проходить через это.

— Малышка, не могла бы ты убедиться задул я свечу в комнате? — Говорю я с ней.

Она облегчённо вздыхает и даёт мне сочувственную улыбку.

— Конечно.

Когда она ушла, я поворачиваюсь обратно к Карен, которая смотрит как Реми уходит. — Иисус, Диакон, ей что двенадцать?

— Ей восемнадцать, и она намного более зрелая, чем ты когда-либо, — рычу я. — Почему ты здесь?

Я никогда не говорил так с ней. Она не привыкла к этому. Эта самодовольная усмешка. Она думает, что может вернуться сюда и окрутить меня, как привыкла. Ну, чёрт побери, этого не произойдёт. Реми показала мне, чего я заслуживаю.

Выражение её лица — смесь между шоком и яростью.

— Я здесь, чтобы забрать мою дочь. — Она выплевывает слова, словно яд на языке.

Они поразили меня как удар в живот.

— Нет, — говорит Реми. Я смотрю позади меня, где она стоит у входа в зал. Она, должно быть, подслушала. Она выглядит испуганной. — Ты не можешь вернуться сюда после того, как ушла на несколько месяцев и просто забрать её. Ты не имеешь права. Её голос — пронзительный, испуганный. Она практически в слезах. Она и Бейли создали мгновенную связь. Реми единственная мать Бейли, которую она когда-либо знала.

— Я имею полное право. Я её мать, — говорит Карен.

— Нет, я не позволю тебе находиться рядом с моей дочерью. Нет, — я говорю ей.

Её улыбка отвратительна. Зло. Она хочет уничтожить мою новую семью. Уничтожить всё, что я построил. Всё, за что я буду бороться до смерти. Я никогда не поднимал руку на

женщину. Даже никогда не думал об этом. Но видя этот взгляд на её лицо, и зная, что она планирует взять у меня мою дочь...

— Тебе придётся отвезти меня в суд под стражу, — говорю я. — Ни один судья никогда не передаст тебе Бейли. Ты пьяна и не имеешь стабильности. Ты практически чужая для неё.

— Это мы посмотрим. Я её мать. Дети живут со своими матерями, и любой судья это поймёт. У меня есть работа и моя собственная квартира. Ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить меня.

Я не могу поверить, что она это делает. Она не хочет быть матерью. Я знаю её лучше. Так зачем ей это? Когда она продолжает смотреть на Реми, я думаю, что могу догадываться. Она, вероятно, пролетела через всех парней, с которыми встречалась — в прямом и переносном смысле — и как только они увидели её дерьмо, скорее всего, её выбросили. Так что, как обычно, она бежит обратно ко мне. Это случалось много раз в прошлом. Как дурак, я всегда брал её из-за своих мечтаний об идеальной семье. Все было бы хорошо между нами. Она будет делать женские вещи: готовить ужины, стирать, ходить по магазинам. Но потом её всегда приспичивало идти на вечеринку. Однажды ночью прогулка с девушками привела к ещё одной ночи, и ещё каждую ночь. Пока она вообще не пришла домой.

Теперь, когда она знает, что я переехал, она хочет причинить мне боль. Единственный способ сделать это — прийти за Бейли. Она достаточно злопамятна. Она будет бороться за опеку мне назло. Я так полагаю. Я не могу отпустить свою дочь без боя.

Она пожимает плечами.

— Я думаю, увижу тебя в суде, — говорит она и уходит.

Я захлопнул дверь, чувствуя боль в животе. Реми мчится и обнимает меня.

— Пожалуйста, скажи, что это не просто так случилось. Это просто ужасный кошмар, и мы оба проснёмся от него в любую минуту.

Я глажу её спину и крепко обнимаю.

— Я хотел бы сказать тебе это, но это не так.

— Бейли для меня как дочь. Я так сильно люблю её. Эта женщина разрушит её жизнь, — говорит Реми.

Я вздыхаю.

— Я знаю. Но Карен права. Она мама Бейли. Это важно для судей, хотя она похожа на ядовитую плесень.

— Но эта женщина пропала на несколько месяцев. У нас есть дом. У Бейли своя комната и её вещи здесь. Она так боялась идти и жить с незнакомцем.

Сжимание в животе становится ещё хуже, представляя себе, как испугается мой ребёнок женщину, которую вряд ли знает. Прошло достаточно времени, и я не думаю, что Бейли узнает собственную мать.

— Я знаю, но Карен и я — оба одинокие родители. Все всегда на стороне матери.

— Если ты не можешь предоставить более стабильный дом, — Реми говорит с нетерпением. — Двое родителей в любящей семье лучше, чем один, верно?

— Что ты говоришь?

— Женись на мне, — говорит она.

Сюрприз сокращает мои слова. Я не знаю, что сказать.

— Жениться на тебе?

— Да, женись на мне. Мы можем пожениться и таким образом, когда пойдём в суд, судья будет видеть, что у Бейли есть два любящих и преданных родителя, надёжный доход, и

брат на пути. Карен может иметь работу и квартиру, но у неё нет дома.

— Реми, я люблю тебя. Ты — лучшее, что случилось со мной, и я хочу жениться на тебе больше всего на свете, но я не хочу, чтобы это было для того, чтобы успокоить судью, — я говорю ей.

— Это совсем не так. Я тоже люблю тебя. Я люблю Бейли. У нас будет ребёнок. Ничто не сдерживает нас от вступления в брак.

Страх, который меня укрывал начинает исчезать.

— Подумай об этом.

— Что? Почему? — Говорит она.

— Вот увидишь.

Я иду в спальню, в чулан, где я нахожу старый пиджак, который больше не налезает на меня. В карман я спрятал кольцо, которое купил для Реми. Уже месяц. Я планировал какие-то огромные сложные предложения, сделать в кругу наших друзей и семьи, но я предполагаю, что это теперь слишком поздно.

Я схватил кольцо и прячу его за спиной. Затем я стою перед ней. Я целую её губы, потом опустился на одно колено. Я достаю коробочку из-за моей спины. Реми кладёт руки ко рту, и я открываю бархатную коробочку, раскрывая.

— Реми, я люблю тебя всем сердцем. Ты моя вторая половинка и я хочу провести остаток моей жизни с тобой и нашими детьми. Я хочу построить жизнь с тобой и состариться вместе. Ты выйдешь за меня?

Она смеялась и плакала одновременно. Протягивая ей руку, я надеваю кольцо на её палец. Оно идеально подходит. Я взял её маму со мной, чтобы пойти за покупками. Мы взяли кольцо из средней школы Реми с нами, чтобы убедиться, что это был правильный размер.

— Конечно, я выйду за тебя, — говорит она и обнимает меня за шею. Я знаю, что она смотрит на него через моё плечо, потому что она продолжает говорить — Это так красиво.

Я отступаю и целую её в губы. Поцелуй углубляется. Её руки скользят под пояс моих спортивных штанов, находя мою задницу. Она отстраняется на мгновение и говорит:

— У нас есть незаконченное дело. — Затем её губы прижимаются ко мне ещё раз.

Я поднимаю её на руки и несю обратно к кровати. Одежда на ней задирается, когда она лежит на спине на кровати, раздвигая ноги для меня. Её красивая киска всё ещё немного красная. Я преклоняю колени перед ней и облизываю её плоть своим языком, чтобы успокоить её. Она кусает, когда я нежно прижимаюсь к её складкам. Не займёт много времени, чтобы она промокла.

— Ты нужен мне внутри меня, — она требует.

Я целую её клитор и двигаюсь до тех пор, пока не достиг живота. Я бы не сказал, что она беременна. Пока нет. Он остался пока без особых изменений, просто немного округлым по сравнению с обычным.

Я ласкаю гладкую кожу. Мой ребёнок находится там. Мы сделали это. Вместе. Наша любовь сделала это.

Я продолжаю целовать её тело, пока не достиг губ. Сейчас дело не в том, чтобы трахаться и получать удовольствие — хотя это должно произойти. Но вместо этого речь идёт о любви к ней. Быть с ней. Находиться внутри неё. Показывая ей, физически, как сильно я её люблю.

Она ахает, когда я вхожу в неё. Она чувствует себя, опухшей и тугой, скользкой и

влажной. Она сжимает мой член в лучшем виде. Я толкнул бёдрами, двигаясь туда и обратно. Она хнычет, умоляет меня не останавливаться. Я не знаю. Я двигаюсь быстрее, сильнее. Её киска начинает сжиматься вокруг меня. Хватает меня. Держит меня, пока я не предпринимаю серьёзное усилие, чтобы продолжать двигаться. С рычанием, я выпускаю свой груз внутри самой совершенной девушки, которую я когда-либо видел. Любовь всей моей жизни.

Глава 7

Реми

Наша свадьба через неделю. Я не знаю, как моя мама это сделала, но ей удалось собрать всё за короткое время. В доме Сэма, на его большом заднем дворе, опадают листья цвета огня, падающие вокруг меня и Диакона, когда мы стоим со священником под аркой оранжевых роз. Это осенняя тематика, с букетами из сухих цветов и сахарных кленовых листьев. На мне белое платье до колен с длинной вуалью и сапоги из телячьей кожи. Стекланные банки со свечами свисают с ветвей деревьев. Это необычно, красиво и абсолютно идеально. Появились все соседи. Есть палатка сзади и танцпол с живой акустической группы. Когда солнце садится, холодает, поэтому греют пропановые нагреватели.

Само обслуживание было замечательным. Дьякон и я держали Бейли в наших объятиях всё время. Я поклялась быть не только преданной женой, но и матерью Бейли.

До сих пор трудно поверить, что я жена Диакона. Буквально пару месяцев назад я думала о том, что собираюсь делать с моей жизнью, когда закончила школу. Не было никаких реальных планов, но я бросила идею путешествовать по Европе из своей головы, потому что это то, что моя мама хотела, чтобы я сделал в то время. Я никогда не хотела этого, но я хотела сделать её счастливой. Может быть, у нас всё ещё будет шанс сделать это. Дьякон хочет взять меня в наш медовый месяц. Моя мама однажды сказала мне, что он боится летать.

Я замужем. Я замужняя женщина. Это безумие. Тем более, что это мужчина моей мечты, и я ношу его ребёнка. Жизнь была бы прекрасна, если бы не было бы Карен, вторгающейся в мои мысли. Я всё ещё не могу забыть это самодовольное выражение её лица из головы. Угрозы, которые она предъявила Дьякону в отношении Бейли. Как она живёт сама с собой? Как женщина вышла замуж и родила ребёнка, а потом просто отказалась от своей семьи, только чтобы вернуться год спустя и угрожать им?

У меня такое ощущение, что это из-за меня. Я думаю, что если бы она не видела меня в халате — явно ничего под ним не было — и Диакона в его брюках и без рубашки, всё было бы совсем по-другому. Я может быть неопытная, но я вижу ревность. Наверное, она думала, что Дьякон сидел, тоскуя по ней, когда она ушла на вечеринку.

— Эй. — Мои мысли прерываются, когда Дьякон подходит ко мне. Он был на танцполе, отплясывая с моей мамой, когда я присела, чтобы отдохнуть. Мои лодыжки отекают. На мне всё больше и больше признаков беременности, хотя живот ещё достаточно не вырос, чтобы это заметить. Это очевидно только тогда, когда я голая.

Мои мысли ушли со мной. Я злюсь, что думаю о Карен в ту ночь, которая должна быть только моей и Диакона.

— Всё в порядке? — Спрашивает он.

Я встаю и обнимаю его.

— Всё прекрасно.

Включают медленную песню. Гости устремляются к своим партнёрам. Я кладу голову на плечо Дякона, мы начинаем танцевать.

— У тебя что-то на уме, — говорит он.

— Просто волнуюсь насчёт суда.

Мы получили повестку в суд в начале этой недели. Я подумала, что Карен блефовала, но, похоже, она была злее, чем я думала.

— Я тоже, — говорит Дякон — Но это наша особенная ночь, и я не позволю этой сучке портить её.

Я улыбаюсь ему.

— Я тоже.

Мы проводим всю остальную ночь, танцуя с нашими друзьями и семьёй. Это прекрасно. Я не хочу, чтобы это закончилось. К тому времени, когда все начинают уходить, у меня болят ноги. Время идти домой.

Моя мама берёт Бейли на ночь. Эти двое сблизились, и Бейли даже называет её «гамма». Это так мило.

Дякон и я возвращаемся домой. Его друзья привязали консервные банки к задней части своего грузовика, поэтому мы гремели вниз по оживлённой дороге, люди сигналият, когда мы проезжаем. Когда мы, наконец, добрались до дома, он помогает мне снять платье и сапоги и снимает с себя смокинг, потом мы разваливаемся на кровати.

Он немного выпил, но не был слишком пьян. Просто приятный кайф. Когда он пьёт, то становится возбуждённым. На самом деле, он возбуждается, когда мы наедине, и меня это устраивает.

Он переворачивается набок ко мне лицом, обводит круги вокруг моего пупка.

— Что ты хочешь делать? — спрашивает он игриво.

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю. — Я взглянула на гигантскую выпуклость в его боксерах.

— Будем спать?

Унылый взгляд на его лице заставляет меня рассмеяться.

— Ты жестокая девушка, — говорит он.

Я поворачиваюсь набок к нему лицом. Боже, какой он красивый. Эти большие зелёные глаза. Я никогда не встречала более красивого мужчину. И теперь он весь мой. Мой муж. Он хочет провести остаток своей жизни только со мной. Мне всё ещё трудно поверить в это. Как же мне так повезло?

— Или... — говорю я, лаская его член.

— Мне нравится «или», — говорит он, и целует меня.

Его рука щекочет кожу моей нижней части спины, скользая пальцем вниз по изгибам моей задницы. Его губы становятся более нетерпеливыми, пока он целует меня, как будто от этого зависела его жизнь. Он переворачивает меня на спину и практически срывает лифчик и трусики. Медленная, страстная любовь — это прекрасно. Оргазмы становятся взрывоопасными. Но есть что-то ещё, когда он трахает меня, как сумасшедший человек, который сводит меня с ума.

Я лихорадочно вскакиваю, трюсь об его великолепный член.

Он добирается между нами, трогая мой клитор своими пальцами. Я стону в его открытый рот, поощряя его. Его пальцы окунаются в мою влажность. Липкий звук его пальцев, скользнувших в меня и из меня, только кажется, делает его более безумным, пока

вскоре его рука не ударяет так быстро и яростно, мышцы в его руке натянуты и изгибаются. Я вскрикиваю, когда мой первый оргазм достигает меня. Звук моего голоса, наверное, слышно на весь район, но нас это не заботит. Как только они увидят все эти банки привязанные к машине, они поймут.

Он не дает мне время, чтобы отдохнуть после первого оргазма. Вместо этого он погружается лицом между моих ног. Там так влажно, но это не мешает ему пожирать каждую каплю моих соков. Он также вылизывает мою задницу. Это потрясающее чувство, и я ещё не привыкла к этому. После того как первоначальный шок спадает, я позволяю себе погрузиться в удовольствие от чувств, которые он даёт мне. Он настолько тщателен, тратя столько времени там, сколько нужно, чтобы поднять меня до пика моего возбуждения. Никогда не торопится.

Наконец, когда я больше не могу, я говорю

— Трахни меня.

— Как пожелаешь, — говорит он. Он нетерпеливо погружает свой член в меня. Без колебаний, не дразня головкой, как он иногда делает. Это просто проникновение в полную силу. Я задыхаюсь, когда он врезается в меня. Со всей его силой, он ударяется во мне так сильно, как будто можно пробить прямо гипсокартон. Однако никто из нас не заботится об этом. Может быть, всё будет утром, но сейчас это просто так чертовски удивительно, что никто из нас не готов замедлиться.

Схватив за ягодицу, он изгибает мою руку. Мои ноги наверху, руки за коленями, забравшись в наилучшее свободное положение, чтобы глубже проникнуть внутрь меня. Жёсткий секс с Диаконом — это всегда балансирование между болью и удовольствием.

В самом начале, когда он трахал меня жестко, как он делает сейчас, всегда был страх в душе. Он такой большой, что я боялась, что он может вызвать какие-то внутренние повреждения. Но сейчас мой организм привык к нему и я знаю, что я могу принять его.

— Я люблю эту киску, — говорит он. Каждое слово говорится с натяжкой, поэтому между нами нарастает пауза. — Приди за мной малышка, я хочу, чтобы ты чувствовала себя хорошо.

Обычно я участвую в грязном подшучивании, но я прямо на пороге оргазма. Вместо этого я кричу — Ох, чёрт!

Должно быть, мы достигли пика одновременно, потому что он издает рёв и начинает трахать меня так сильно, что вся комната расплывается. И тогда он останавливается, его член дёргается внутри меня, как он освобождается. Когда он выходит из меня, наши соки стекают по моей заднице, оставляя мокрое пятно на кровати. Мы оба слишком запыхались, чтобы говорить. Вместо этого мы обнимаемся и вскоре засыпаем.

Я нервничаю, когда мы идём в здание суда. Всё моё тело трясло, когда мы проходим через детектор металла. Сэм нанял лучшего адвоката среднего класса. Это был его свадебный подарок для нас. Диакон грыз ногти, пока от них практически ничего не осталось. Никто из нас не говорит, когда мы входим в зал суда. Мы просто держим друг друга за руки. Моя мама подходит к нам, держа Бейли. Мы готовы к борьбе за нашу семью.

Адвокат Карен сидит на скамейке, держа в руках мобильный телефон, и отправляет текстовые сообщения. Он постоянно поглядывает на нас и на нашего адвоката. Он выглядит неряшливым. Просто тип человека, которого наймёт Карен. Судья входит в комнату. Мы все поднимаемся. В конечном итоге нам разрешили сесть.

Ещё нет Карен. Весь страх, который я испытывала на прошлой неделе, переходит в нечто другое. Не совсем облегчение, потому что это ещё не конец. Ещё нет. Но Карен нет и это, должно быть, хороший знак, верно?

— Где ваш клиент, мистер Монтгомери? — Говорит судья адвокату Карен.

— Боюсь, её здесь нет.

— Хотели бы вы изменить дату? — спрашивает он.

Диакон и я смотрели друг на друга. Мы не хотим другую дату. Мы хотим покончить с этим.

— Боюсь, что нет. Мой клиент вообще не появится. Она покинула страну.

Диакон сжимает мою руку, пытаясь удержать улыбку. Это всё что мы можем сделать, чтобы остановить радость.

— Очень хорошо, — сказал судья. Он пожилой человек, измученный, и, похоже, что у него больше нет терпения ни для кого. Я думаю это то, что происходит, когда вы должны сидеть в суде день за днём. — Мистер и Миссис МакКарти — Это мы. Это все ещё звучит странно, что меня называют миссис, не говоря уже о фамилии Диакона. Мне это нравится. Когда я впервые сменила её, я потратила несколько часов, практикуя свою новую подпись — я предоставляю вам полную опеку над Бейли МакКарти. Поздравляю.

Диакон и я оба плакали, цепляясь друг за друга. У нас наконец-то есть счастливая семья. Никто ничего не сможет сделать, чтобы когда-нибудь встать между нами снова.

***** КОНЕЦ *****

Больше книг на сайте - Knigolub.net